

Н. Харузин

Медвежья присяга

**Тотемические основы
культа медведя
у остяков и вогулов**

И. Харузинъ.



МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА

—) и (—

ТОТЕМИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ

КУЛЬТА МЕДВѢДЯ

У ОСТЯКОВЪ и ВОГУЛОВЪ.



МОСКВА.



Поставщикъ Высочайшаго Двора Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Петровка, № 22



1899.

Дозволено цензурою. Москва, 29 января 1899 г.

„МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА“

и

тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

1.

Фактъ существованія у остяковъ и вогуловъ такъ называемой „медвѣжьей присяги“ пользуется широкою извѣстностью: къ ней часто прибѣгаетъ обвиняемый для доказательства своей невинности. Очистительная клятва медвѣдемъ считается одной изъ наиболѣе сильныхъ, и лицо, согласившееся воспользоваться этимъ видомъ судебного доказательства, освобождается отъ подозрѣнія въ совершеніи проступка или преступленія. Неудивительно, что значеніе, которое придають остяки и вогулы „медвѣжьей присягѣ“, равно и оригинальность ея обратили на себя вниманіе какъ ученыхъ изслѣдователей, такъ и администраторовъ: первые многократно отмѣчали фактъ ея существованія, въ качествѣ интересной подробности, иллюстрирующей вѣрованія описываемыхъ ими народностей, вторые воспользовались мѣстнымъ обычаемъ и дали „медвѣжьей присягѣ“ право гражданства при судебныхъ разбирательствахъ, когда отвѣтчиками являлись некрещеные инородцы, или когда послѣднихъ приводили къ присягѣ въ подданствѣ. Способы принесенія присяги были различны.

Приводимъ свидѣтельства нѣкоторыхъ изслѣдователей, описывающихъ приемы принесенія „медвѣжьей присяги“.

О присягѣ остяковъ на медвѣжьей шкурѣ упоминаетъ еще Григорій Новицкій. Онъ же сообщаетъ способъ принесенія присяги въ подданствѣ: на кожу медвѣдя они кладутъ топоръ, присягающимъ подаютъ ножъ, снятый съ кожи медвѣдя; на концѣ ножа кусокъ хлѣба. Толмачъ говоритъ при этомъ слѣдующую формулу: „Аще лестию сію клятву утворяете и несправедно служить и радѣть въ отда-

ни ясаку будете, злѣрь сей отмщеніе намъ да будетъ, и отъ него смертію да постраждете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубить тя, аще не правдою (и?) вѣрностію, ею-же общаешися, творыти хо-щеши“¹⁾).

Палласъ почти буквально повторяетъ свѣдѣнія Новицкаго: „Когда присягать новому государю, то собираютъ ихъ (остяковъ) вмѣстѣ въ кучу, кладутъ топоръ, которымъ прежде рубили медвѣдя или медвѣжину, даютъ каждому изъ присутствующихъ съ ножа кусокъ хлѣба и заставляютъ присягающаго произнести слѣдующую формулу: „если я моему государю до конца моей жизни вѣренъ не буду, своевольно отпаду, должнаго ясака не заплачу и изъ моей земли отъиду, или другія невѣрности окажу: то чтобъ меня медвѣдь изорвалъ, кускомъ симъ, который ѣмъ, чтобъ мнѣ подавиться, топоромъ симъ да отрубятъ мнѣ голову, а ножомъ симъ, чтобъ мнѣ заколоться“²⁾).

Этотъ видъ присяги является наиболѣе сложнымъ, такъ какъ къ клятвѣ медвѣдемъ присоединена еще елатва хлѣбомъ, ножомъ и топоромъ: очевидно, что важность событія, служащая причиной приведенія остяковъ къ описанной присягѣ, побуждала администраторовъ не ограничиваться одной клятвой медвѣдемъ, но усиливать ее соединеніемъ нѣсколькихъ видовъ клятвъ въ одну. Иногда, съ этими же цѣлями и при этомъ же поводѣ, остяковъ заставляли произносить клятву на медвѣжьей шкурѣ и съѣдать медвѣжье мясо. „Если ихъ поставятъ на колѣни на медвѣжьей кожѣ, пишетъ Палласъ, то, по совершеніи присяги, каждый изъ нихъ долженъ откусить медвѣжины, при чемъ многіе для оказанія ревности, зубами вытеребливаютъ шерсть“.

Другой способъ принесенія елатвы на медвѣдѣ описанъ Кастреномъ. Остякъ, подозрѣвающій кого-нибудь въ совершеніи преступленія, можетъ требовать отъ него очистительной присяги надъ медвѣжьей головою. Обвиняемый разрѣзываетъ ножомъ медвѣжій носъ и произноситъ: „если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь“³⁾. Вѣра въ дѣйствительность клятвы настолько силь-

¹⁾ Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, соч. Гр. Новицкимъ, 1715 г., стр. 53, 54.

²⁾ Палласъ: Путешествіе, III, полов. 1 ая, стр. 74.

³⁾ Этнографическія замѣчанія и наблюденія,—въ Этнограф. Сборникѣ, 1858. IV, стр. 311—312.

на, что, по словам Кастрена, обвиняемый, если онъ дѣйствительно виновенъ, предпочтетъ сознаться въ преступленіи, но не рѣшится на ложную клятву. Поэтому лицо, очистившее себя присягой, „навсегда уже считается совершенно чистымъ и безупречнымъ. Потонетъ ли же кто, или сгоритъ, или кого съѣстъ медвѣдь, про того говорятъ, что онъ при жизни своей далъ ложную присягу“.

П. Третьяковъ въ статьѣ „Туруханскій край“ (Запис. И. Р. Г. О. по отд. Геогр. 1869, 2) сообщаетъ слѣдующее описаніе очистительной присяги у остяковъ: „Даютъ виновному медвѣжій зубъ, который онъ и долженъ грызть, или медвѣжье ухо, которое онъ обязанъ рубить топоромъ и цѣловать. Если обвиняемый все это исполнить и не сознается, а между тѣмъ подозрѣніе на него сильно, тогда приносятъ еще шкуру горностая и заставляютъ цѣловать ножку убитаго животного“ ¹⁾.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей быта остяковъ и вогуловъ, Н. Л. Гондатти, сообщаетъ также о существованіи „медвѣжьей присяги“ у инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Клятва произносится надъ лапой или мордой медвѣдя; дающій клятву грызетъ лапу или три раза замахивается топоромъ надъ висящимъ на деревѣ черепомъ медвѣдя, „говоря, пусть его медвѣдь также загрызетъ и загубитъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой“ ²⁾.

Алквистъ ³⁾ упоминаетъ объ интересномъ обычаѣ вогуловъ, заключать союзъ, скрѣпляя послѣдній „медвѣжьей присягой“: русскіе и вогулы, отправляясь совместно на охоту, иногда клянутся другъ другу въ вѣрности, причемъ или дѣлаютъ ножомъ надрѣзъ въ головѣ медвѣдя или кусаютъ ее. Нарушающій вѣрность при охотѣ будетъ, по убѣжденію вогуловъ, раздѣляемому и русскими, съѣденъ медвѣдемъ.

Въ собраніи обычаевъ инородцевъ Tobolsкой губ.—вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, изданномъ Д. Я. Самоквасовымъ, мы снова встрѣчаемъ свѣдѣнія о способѣ принесенія „медвѣжьей присяги“ при судебныхъ разбирательствахъ, когда уликъ окажется недоста-

¹⁾ Е. И. Якушкинъ: Обычное право, II, стр. 382.

²⁾ Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири, — въ Трудахъ Этнографическаго Отд. И. О. Л. Е. А и Э., т. VIII, стр. 78.

³⁾ Ahlquist: Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 172.

точно для установленія виновности отвѣтчика: принимающій присягу долженъ, стоя на колѣняхъ, поцѣловать медвѣжью голову, или укусить медвѣжий зубъ или кожу ¹⁾).

Еще Палласъ, описывая присягу медвѣдемъ, отмѣчаетъ, что клятва медвѣдемъ не оказывается исключительной особенностью остяковъ. „Подобныя присягой обязательства, пишетъ онъ, ²⁾ гдѣ медвѣжина за главнѣйшую штуку ходить, въ большей части инородческихъ въ Сибири народовъ въ употребленіи“. Дѣйствительно медвѣдь пользуется поклоненіемъ у многихъ изъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ; неудивительно поэтому, что и присяга на медвѣдь встрѣчается у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сами способы принесенія присяги мало представляютъ отличій отъ пріемовъ, употребляемыхъ у вогуловъ и остяковъ. Такъ, напр., относительно самоѣдовъ Кастрень сообщаетъ въ числѣ описываемыхъ имъ нѣсколькихъ видовъ присяги между прочимъ и клятву на медвѣдь. Вѣруя, что послѣдній—могучее божество, самоѣдъ при клятвѣ разрубаетъ медвѣжью голову. Клятва медвѣдемъ признается, по словамъ Кастрена, самой сильной, потому что самоѣды считаютъ медвѣдя могущественнѣе даже своего фетиша (хаи), которымъ также клянутся при судебныхъ разбирательствахъ. Некрещенымъ самоѣдамъ разрѣшалось въ русскихъ судахъ приносить присягу по ихъ обрядамъ. ³⁾ Вышеприведенныя правила о присягѣ медвѣдемъ, сообщаемыя въ „Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ“, относятся не только къ вогуламъ и остякамъ, но и къ самоѣдамъ: присяга медвѣдемъ служила очистительной присягой. Въ изложеніи Кастрена, однако, есть данныя, позволяющія думать, что къ медвѣжьей присягѣ прибѣгалъ не обвиняемый, а истецъ: этотъ послѣдній, по словамъ изслѣдователя, разбивалъ фетиша, сдѣланнаго изъ снѣга, дерева или земли, убивалъ собаку и, обращаясь къ подозрѣваемому, говорилъ: „если ты укралъ, то падеешь, какъ эта собака“. Въмѣсто фетиша употреблялась иногда медвѣжья голова, которая, повидимому, разрубалась не отвѣтчикомъ, а истцомъ ⁴⁾).

¹⁾ Д. Я. Самоквасовъ: Сборникъ общ. права сибирскихъ инородцевъ, стр. 16. Ср. Ahlquist Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 298.

²⁾ Палласъ, I. с., стр. 74.

³⁾ Этнографическій Сборникъ. 1858, IV, стр. 295.

⁴⁾ Ibid. стр. 295.

У храковъ, по словамъ П. Третьякова, обвиняемый цѣлуется медвѣжьей шкуру, послѣ чего одинъ изъ стариковъ беретъ топоръ и со словами: „чтобъ медвѣдь изорвалъ виновнаго“—дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ разсѣчь шкуру животного.

Среди различныхъ видовъ очистительной клятвы, принимаемой у якутовъ въ качествѣ судебного доказательства, встрѣчается также „медвѣжья присяга“. Въ случаяхъ подозрѣнія лица въ совершеніи кражи, „сперва увѣщываютъ обвиняемаго, пишетъ напр. г. Шукинъ, обнадеживаютъ его прощеніемъ, лишь бы заплатилъ, что стоитъ украденное; но когда видятъ, что слова бесполезны, приносятъ въ юрту медвѣжью голову и кладутъ на полъ подлѣ огня; въ то же время ставятъ на огонь въ горшкѣ масло. Обвиняемаго ставятъ на колѣни и велютъ произнести слѣдующія слова: „если я говорю неправду, пусть масло это пройдетъ мнѣ сквозь животъ, чтобъ мнѣ не принимать никакой пищи, и чтобъ медвѣдь такъ меня изѣлъ, какъ я теперь буду кусать его“. Тутъ велютъ ему выпить немного масла и три раза угрызть медвѣжью голову, а на свою голову насыпать пеплу. „Клятва эта столь важна, добавляетъ цитуемый авторъ, что рѣдкій якутъ рѣшится на нее; скорѣе онъ скажетъ: хотя я и не виноватъ, но обязуюсь платить, лишь бы миновать присяги“¹⁾).

Дальше, пишетъ г. Третьяковъ, практикуютъ слѣдующій способъ „медвѣжьей присяги“: собираются всѣ окрестные жители и, образовавъ кругъ около пылающаго костра, бросаютъ въ огонь медвѣжью лапу выстѣ съ когтями. Пока лапа горитъ, присутствующие держатъ руки надъ костромъ. Черезъ это виноватый долженъ свести руки. О присягѣ „на цѣльной шкурѣ медвѣжьей головы“ у китайскихъ тюрковъ упоминаетъ и П. И. Небольсинъ²⁾).

Но увеличивая числа аналогій къ „медвѣжьей присягѣ“ у остяковъ и вогуловъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что она существуетъ одновременно и весьма часто соединяется съ другими видами очистительной клятвы, преимущественно съ тѣми, видами, которые основаны на фетишизмѣ. Остяки также, какъ и самоѣды, изувѣчивали идола-фетиша, вызывая божество изувѣчить ихъ такъ же, какъ

¹⁾ Н. С. Шукинъ: Якуты, — въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1854, ч. VII, стр. 19.

²⁾ Замѣтки по пути изъ Петербурга въ Барнауль. Отечеств. Зап. 1849, LXV, стр. 190.

они изувѣчили идола: этому послѣднему перѣдко отрѣзали носъ или уродовали другимъ образомъ ¹⁾. Что же касается до клятвы ножомъ, хлѣбомъ, топоромъ у остяковъ, соединенія клятвы медвѣдемъ съ клятвой на мастѣ у якутовъ, то эти виды слѣдуетъ отнести къ широко распространеннымъ приемамъ присяги, въ основѣ которыхъ лежитъ анимистическо-фетишистское представленіе о неодушевленныхъ предметахъ.

Извѣстно, что дикари на примитивной ступени развитія не знаютъ дѣленія предметовъ видимаго міра на одушевленные и неодушевленные: каждый неодушевленный предметъ имѣетъ свою душу, свое второе я, дающее ему жизнь. Персонифицируя весь видимый міръ, перенося на него свои, человѣческія ощущенія, дикарь надѣляетъ жизнью и способностью къ разумной дѣятельности не только камни, деревья и пр., но и свои орудія, оружіе, предметы обихода, пищу и пр. Въ этой чертѣ психологіи первобытнаго человѣка слѣдуетъ искать источникъ возникновенія присяги, приносимой на неодушевленныхъ предметахъ, имѣющей столь широкое распространеніе среди нѣкоторыхъ инородцевъ Россіи и находящей себѣ многочисленныя аналогіи среди способовъ присяги у некультурныхъ племенъ разныхъ материковъ. Развитіе религіозныхъ представленій не измѣняетъ приемовъ этого рода клятвы: оно отражается лишь на внутреннемъ смыслѣ, который ей придается. Если на низкихъ стадіяхъ культуры присягающій видитъ, что данный предметъ, не имѣющій религіознаго значенія (ножъ, топоръ, ружье, копьѣ и пр.), самъ по себѣ можетъ покарать принимающаго ложную присягу, то съ поднятіемъ религіознаго уровня эта вѣра замѣняется убѣжденіемъ, что то или другое сверхъестественное существо избересть орудіемъ своей мести предметъ, на которомъ произносятся присягу.

Психологическое основаніе „медвѣжьей присяги“ совершенно иное: присягающій вызываетъ существо, признаваемое сверхъестественнымъ, покарать его за ложь, и употребляемые для этого приемы лишь символически подчеркиваютъ этотъ вызовъ.

Очевидно, что въ указанныхъ способахъ очистительной присяги у инородцевъ сказывается убѣжденіе, что виновный въ лжеприсягѣ будетъ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени нака-

¹⁾ Палласъ. Путешествіе III, пол. 1-ая, стр. 73-74.

занъ медвѣдемъ. Отличіе подобной присяги, принимаемой при разбирательствѣ въ качествѣ судебного доказательства, отъ „божьяго суда“ ордалій заключается главнымъ образомъ въ вѣрованіи, что кара со стороны сверхъестественнаго существа наступаетъ не немедленно, какъ это имѣетъ мѣсто при приѣненіи ордалій, а по истеченіи извѣстнаго, большею частью неопредѣленнаго срока. Въ данномъ случаѣ медвѣдь долженъ покарать присягающаго ложно. Почитаніе медвѣдя настолько широко распространено среди остяковъ, вогуловъ, равно и у другихъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, что существованіе „медвѣжьей присяги“, т. е. клятвы животнымъ, признаваемымъ за одаренное сверхъестественными силами и способностями, оказывается вполне естественнымъ.

Свѣдѣнія о почитаніи медвѣдя у остяковъ, вогуловъ и другихъ финскихъ народностей, далѣе у самоѣдовъ, бурятъ, якутовъ, гольдовъ, гиляковъ и т. д. чрезвычайно многочисленны въ нашей этнографической литературѣ. Извѣстнымъ оказывается и фактъ широкаго распространенія культа медвѣдя у айновъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Америки и въ Австраліи. Въ настоящее время даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ среди русскихъ инородцевъ мы встрѣчаемъ наиболѣе яркое выраженіе культа медвѣдя, едва ли есть основаніе видѣть въ этомъ культѣ что нибудь большее, чѣмъ проявленіе зоолатріи. Поклоненіе животнымъ, которое, какъ извѣстно, можно встрѣтить у цѣлой массы стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры народностей, не представляетъ однако характера неподвижности: оно какъ, и всякое проявленіе религіознаго чувства, подвержено измѣненіямъ въ зависимости отъ религіозно-нравственнаго и умственнаго роста племени, отъ измѣненія самихъ представленій о сверхъестественныхъ существахъ.

Являя цѣлый рядъ сходныхъ чертъ, зоолатрія у разныхъ народовъ, въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ, можетъ имѣть и различные источники происхожденія. Дѣйствительно, общимъ источникомъ ея оказываются всегда анимистическія вѣрованія дикарей, но на этой анимистической основѣ поклоненіе животнымъ можетъ появиться какъ результатъ или страха дикаря предъ наиболѣе крупными представителями фауны, или поклоненія полезнымъ животнымъ, или наконецъ какъ слѣдствіе тотемизма или фетишизма. Какой изъ этихъ источниковъ лежитъ въ основѣ почитанія инородцами медвѣдя? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ

и опредѣленіе источника происхожденія употребительной остяками медвѣжьей присяги.

Почитаніе медвѣдя не можетъ быть поставлено въ связь съ фетишизмомъ. Культъ, вытекающій изъ послѣдняго, имѣетъ всегда объектомъ опредѣленный, индивидуальный предметъ, а не видъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ культѣ медвѣдя, гдѣ всѣ медвѣди считаются одинаково священными, всѣ имѣютъ право требовать въ отношеніи къ себѣ опредѣленныхъ формъ почитанія. Въ случаяхъ, когда весь видъ животныхъ, растений, предметовъ и пр. считается надѣленнымъ сверхъестественными способностями, не можетъ быть рѣчи о фетишизмѣ. Поэтому, хотя въ вѣрованіяхъ остяковъ и многихъ другихъ русскихъ сѣверныхъ инородцевъ фетишизмъ, въ своемъ подчасъ крайне примитивномъ и грубомъ видѣ, занимаетъ немаловажное мѣсто и во всякомъ случаѣ представляетъ еще вполне жизненное явленіе, въ немъ нѣтъ возможности искать источника появленія культа медвѣдя. Остается, слѣдовательно, искать основу его происхожденія или въ тотемизмѣ или въ чувствѣ страха, которое внушаетъ первобытному охотнику животное, борьба съ которымъ представляетъ особенныя опасности или желаніе списать благосклонность полезнаго животнаго. Изъ этихъ источниковъ мнѣ кажется болѣе основательнымъ остановиться на тотемизмѣ.

Тотемомъ, слѣдующаго опредѣленію Фрэзера ¹⁾, считается *классъ* предметовъ, на которые дикарь смотритъ съ суевѣрнымъ страхомъ, вѣруя, что между нимъ и *каждымъ членомъ этого класса* существуетъ тѣсная и совѣмъ особенная связь. Изученіе тотемизма, какъ извѣстно, доказало, что тотемы могутъ быть личными и групповыми. Послѣдніе въ свою очередь могутъ быть семейными, родовыми, племенными и т. д. Далѣе извѣстно, что весьма характерной, хотя и не непремѣнной чертой тотемизма, является убѣжденіе, что между группой и ея тотемомъ существуетъ генетическая связь, т. е. что тотемъ—животное, растеніе и т. д.—оказывается предкомъ членовъ данной группы. На почвѣ этихъ вѣрованій возникаетъ рядъ обычаевъ и обрядовъ, которыми отличается тотемизмъ. Тотемическія представленія развиваются и видоизмѣняются соответственно съ культурнымъ ростомъ племени и приводятъ посте-

¹⁾ Frazer: Totemism, 1.

ненно къ поклоненію животному, какъ таковому: въ этомъ фазисѣ своего развитія зоолатрія, возникшая изъ тотемизма, настолько по внѣшнимъ признакамъ походитъ на зоолатрію, развившуюся изъ чувства страха дикаря предъ опаснымъ звѣремъ, что отыскать тотемическія основы не всегда оказывается легкой задачей. Намъ предстоитъ такимъ образомъ рассмотреть типичныя черты культа медвѣдя у нашихъ инородцевъ и отмѣтить тѣ стороны его, которыя могутъ быть объяснены исключительно изъ древнихъ тотемическихъ представленій.

Культъ медвѣдя въ настоящее время не носитъ ни у остяковъ, ни у другихъ народовъ, гдѣ мы его встрѣчаемъ, опредѣленныхъ чертъ тотемизма. Тотемическія вѣрованія остяковъ, предполагая, что они когда-нибудь существовали, уступили въ настоящее время другимъ, болѣе высокимъ религіознымъ представленіямъ, спиритуалистическому взгляду на высшія существа; какъ наглядный остатокъ древнѣйшихъ вѣрованій и культа, сохраняется однако широко практикуемый фетишизмъ. Медвѣдь пользуется почитаніемъ, но уже не въ качествѣ тотема. Намъ не извѣстно преданій, повѣствующихъ о происхожденіи остяковъ отъ медвѣдя; самъ культъ не носитъ характера родового или семейнаго, что оказывается чрезвычайно типичнымъ для тотемическаго культа; наконецъ, тотема обыкновенно берегутъ, не употребляютъ въ пищу, — медвѣдя остяки считаютъ лакомымъ блюдомъ. Если почитаніе медвѣдя и носитъ черты, которыя мы находимъ и въ тотемическомъ культѣ, то многія изъ нихъ находятъ себѣ аналогіи и въ зоолатрическомъ культѣ, возникшемъ изъ страха или стремленія къ почитанію полезнаго животнаго; а тѣ черты, которыя имѣютъ связь съ тотемизмомъ, исполняются уже безсознательно, сохранившись въ качествѣ послѣдія сѣдой старины. Однимъ словомъ, культъ медвѣдя у остяковъ *въ настоящее время* не можетъ быть признанъ тотемическимъ, потому что остяки не признаютъ никакой связи между собой и медвѣдями, а также оттого, что, по справедливому замѣчанію Марилле ¹⁾, если извѣстный ритуаль оказывается дѣйствительно тотемическимъ, то обоготворяемое существо не можетъ быть священнымъ существомъ всего племени и тѣмъ

¹⁾ Marillier: La place du totémisme dans l'évolution religieuse. Revue de l'hist. d. rel. XXXVI, 2, crp. 231.

менѣе всей народности; если же мы имѣемъ дѣло съ существомъ, признаваемымъ священнымъ цѣлымъ народомъ, то ритуальные обычаи хотя и являются подчасъ аналогичными тотемическимъ, хотя они и преслѣдуютъ иногда тѣ же цѣли, но они уже не могутъ быть признаваемы за тотемическіе.

Но, съ другой стороны, отрицать существованіе тотемическаго характера зоолатріи въ *современныхъ* вѣрованіяхъ народности еще не значитъ отрицать *возможность происхожденія* ея изъ забытыхъ въ настоящее время тотемическихъ вѣрованій.

Фрэзеръ, подвергшій обстоятельному разбору обычаи и обряды, связанные съ культомъ медвѣдя ¹⁾, склоненъ производить его и аналогичные культы изъ чувства страха, внушаемаго дикарю животнымъ, опасеніемъ, что убитое животное, если его не почитать, будетъ мстить охотнику и пр; однимъ словомъ, пользуясь выраженіемъ Фрэзера, если при тотемизмѣ не употребляютъ животное въ пищу, потому что его чтутъ, то здѣсь наоборотъ животное чтутъ, потому что его употребляютъ въ пищу. Оба представленія могутъ свободно уживаться въ міровоззрѣніи дикаря: тотема, какъ общее правило, не употребляютъ въ пищу, и если употребляютъ, то рѣдко и лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Другихъ крупныхъ представителей фауны употребляютъ въ пищу, но ихъ стараются умиловить различными способами. Къ этому же объясненію происхожденія культа медвѣдя, въ частности и у остяковъ, склоняется Алевастъ и Маралье: ²⁾ остяки, коряки или краснокожіе сѣв. Америки, вынужденные убить медвѣдя, стараются путемъ очистительныхъ дѣйствій успокоить духъ убитаго и при помощи различныхъ средствъ отнести вину совершеннаго убійства на другихъ. Въ всякаго сомнѣнія, что эти черты оказываются преобладающими при исполненіи обрядовъ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Остяки, равно и вогулы вѣруютъ въ сверхъестественную силу медвѣдя; онъ звѣрь, особенно и преимущественно почитаемый. Его остяки и вогулы, какъ и многіе другіе инородцы Россіи, равно и русскіе крестьяне многихъ мѣстностей, опасаются на-

¹⁾ Frazer: The golden Bough, II, стр. 99—135.

²⁾ Marillier: La place du totémisme etc., l. c., стр. 217. Ahlquist: Unter Wogulen u. Ostjaken, стр. 297.

зывать по имени или говорить о немъ дурно. Ни одинъ остякъ, замѣчаетъ по этому поводу г. Паткановъ ¹⁾, не рѣшится по убіеніи медвѣдя сказать: „мы съѣли съ него шкуру“ или „убили медвѣдя“; онъ скажетъ вмѣсто этого: „мы съѣли съ «него» его священную малицу“, или: „священный звѣрь скончался“. Само названіе медвѣдя нельзя безъ особой крайности употреблять въ разговорѣ; о медвѣдѣ говорятъ, называя его или просто „онъ“, или „отцомъ“, „священнымъ звѣремъ“, „добрымъ звѣремъ“ и т. п. Наконецъ, само названіе медвѣдя не болѣе, какъ эпитеты, означающіе въ переводѣ, напр., „покрытый шубой старикъ“, „старикъ съ когтями“ и пр. ²⁾ Въ этомъ опасеніи упомянуть о медвѣдѣ мы имѣемъ случай проявленія лишь широко распространеннаго у множества некультурныхъ народностей взгляда, что существо сверхъестественное или правильнѣе духъ этого послѣдняго имѣетъ способность слышать, что о немъ говорятъ, можетъ случайно невидимо присутствовать при разговорѣ и за дурные отзывы такъ или иначе наказывать говорящаго. Вѣра въ возможность обмануть духа, называя его не по имени, а говоря о немъ иносказательно, совершенно свободно уживается съ вышеприведеннымъ убѣжденіемъ въ способности духа услышать разговоръ, вслѣдствіе того, что остяки, какъ и другіе некультурные народы, надѣляя души своихъ сверхъестественныхъ существъ чудесными способностями, напр. быстро переноситься съ мѣста на мѣсто, быть невидимыми и т. д.—не лишаютъ ихъ тѣхъ человѣческихъ качествъ, которыми обладаетъ самъ дикарь. Это опасеніе говорить о медвѣдѣ у остяковъ возникаетъ на общей почвѣ анимистическихъ представленій, совершенно такъ-же, какъ жители Суматры избѣгаютъ говорить о тигрѣ, называя его описательно „предкомъ“, Камчадалы неохотно произносили имена китовъ, волковъ и медвѣдей. Множество народностей изъ этого же чувства страха не произносятъ имени умершаго,—обычай, который, какъ извѣстно, существуетъ, напр., и у остяковъ и самоѣдовъ. Если наименованіе тигра предкомъ у населенія Суматры стоитъ, какъ на это указываютъ нѣкоторые свѣдѣнія, иногда въ связи съ тотемизмомъ, съ [представленіемъ, что тигръ есть дѣйстви-

¹⁾ Patkanow: Die Irtysh-Ostjaken, стр. 127.

²⁾ Ср. Потанинъ: Оч. свѣ.-зап. Монголіи, IV, стр. 755.

тельно родоначальникъ известной родственной группы, то во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія производить обычай называть опаснаго звѣря „отцомъ“, какъ это имѣетъ мѣсто у остяковъ въ отношеніи къ медвѣдю, непременно изъ тотемизма: „отецъ“ въ данномъ случаѣ можетъ быть простымъ ласкательнымъ эпитетомъ или словомъ, позволяющимъ остяку говорить о медвѣдѣ дурно, не возбуждая въ немъ, если его духъ подслушиваетъ разговоръ, подозрѣній, что рѣчь шла о немъ.

Далѣе, характерная черта въ отношеніяхъ остяка къ медвѣдю заключается въ томъ, что охотникъ извиняется предъ убитымъ за совершенный поступокъ и старается сложить вину съ себя, обвиняя въ убійствѣ постороннихъ лицъ. Остякъ спѣшитъ заявить убитому звѣрю, что онъ застрѣлил его нечаянно, что онъ не виноватъ, такъ какъ русскіе изготовили ружье ¹⁾.

Каждый инородецъ, убившій медвѣдя, сообщаетъ г. Гондатти, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы только доказать, какъ онъ любитъ и уважаетъ медвѣдя, рассчитывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаградятся ему сторицей; онъ извиняется, что убилъ медвѣдя: „ты прости меня, говоритъ онъ, и не суди строго; вѣдь убилъ тебя не я, а русскій: отъ него я получилъ ружье, порохъ, свинецъ; я же всегда тебя любилъ и уважалъ и въ доказательство этого устрою празднество въ твою честь“. Иногда извиненія приносятся передъ убійствомъ: охотникъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ заявляетъ послѣднему: „извини меня, что я намѣреваюсь убить тебя: ты самъ набрелъ на меня, бѣдняжка, такъ не сердись, добрый старичекъ“ ²⁾.

Въ обычаяхъ остяковъ извиняться предъ убитымъ звѣремъ нѣтъ ничего оригинальнаго: остякъ вѣритъ, что опасно оскорбить чѣмъ-нибудь тѣни убитаго звѣря: духъ медвѣдя все видитъ и слышитъ; за оскорбленіе тѣни медвѣдя „плохо придется бѣдному охотнику: обрушится на него рядъ несчастій, да и въ другой разъ не сдобровать ему, а погибнуть подъ зубами и когтями раздраженнаго звѣря“ ³⁾. Совершенно то же чувство страха предъ тѣнью убитаго крупнаго представителя фауны заставляетъ коря-

¹⁾ Раткалов, I. с. 127.

²⁾ Н. М. Ядринцевъ: О культѣ медвѣдя. Этногр. Обзор. IV, стр. 101.

³⁾ Н. Л. Гондатти. Культъ медвѣдя, — въ Тр. Этн. отд. И. О. Л. Е., А. и Э. VIII, стр. 74, 79.

ковъ, по снятіи шкуры съ застрѣленнаго волка или медвѣдя, наряжать одного изъ домашнихъ въ эту шкуру, плясать и пѣть вокругъ него, причемъ въ пѣснѣ увѣряютъ, что не они уоили звѣря, а другіе, и особенно охотно приписываютъ вину русскому ¹⁾. Шефферъ сообщаетъ объ обычаяхъ лопарей послѣ удачной охоты на медвѣдя пѣть предъ тѣломъ убитаго звѣря особую пѣснь, въ которой выражаютъ свою радость по поводу прихода медвѣдя и благодарятъ его за то, что онъ имъ не сдѣлалъ никакого вреда, не сломалъ имъ копья и палки, которыми они его убили. Далѣе подмѣченный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи обычай прежде чѣмъ стрѣлять въ медвѣдя, увѣщевать его, чтобы онъ не напалъ первый на охотника, встрѣчается еще и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ пунктахъ у русскихъ лопарей и находить себѣ аналогіи въ обычаяхъ кафровъ при охотѣ на слона ²⁾.

О культѣ медвѣдя въ прежнее время среди западныхъ финновъ сохранились прекрасныя свѣдѣнія въ Калевалѣ. Вейнемейненъ, убивъ медвѣдя, считаетъ необходимымъ принести ему извиненія. Хотя эти послѣднія и носятъ нѣсколько ироническій оттѣнокъ, но дальнѣйшее описаніе киршества и пѣсенъ его сопровождающихъ свидѣлствуетъ, что и у зап. финновъ культъ медвѣдя, повидимому, не представляетъ рѣзкихъ отличій сравнительно съ остяками и вогулами ³⁾.

Значительное количество аналогичныхъ примѣровъ принесенія извиненій охотникомъ передъ или послѣ убійства опаснаго звѣря приведены Фрэзеромъ ⁴⁾. Среди краснокожихъ Америки охота на медвѣдя считалась крупнымъ событіемъ, къ которому охотники готовились долгимъ постомъ, предъ охотой совершалось искупі-

1) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III, стр. 26.

2) Н. Харузинъ: Русскіе лопари, стр. 200, 204. Frazer: The golden Bough, II, 114.

3) Калевала, р. 46, перев. Бальсанаго: Вейнемейненъ увѣщаетъ медвѣдя, что не онъ виноватъ въ смерти звѣря:

| | |
|-------------------------------------|----------------------------------|
| „Мой возлюбленный ты Ото (медвѣдь), | Самъ съ покатости свалился, |
| Красота съ медовой лапой! | Разорвалъ златое платье, |
| Не сердися ты напрасно; | Изъ вѣтвей твою одежду: |
| Я не бияхъ тебя, мой милый, | Сколько осенью бываетъ, |
| Осложнухъ ты съ гладкой вѣтви, | Дни осенніе туманны“ (стр. 539). |

4) Frazer: The golden Bough. II, 113 и слѣд.

тельное жертвоприношеніе духамъ медвѣдей, убитыхъ въ предшествовавшихъ охотахъ, причемъ обращались съ мольбой къ этимъ духамъ быть благопріятными охотникамъ. Кафры приносятъ извиненія убитому слону, увѣряя, что смерть его произошла отъ случайности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ восточной Африки выказываются особые знаки почитанія тѣлу убитаго льва. Въ западной Америкѣ охотника, убившаго леопарда, крѣпко связываютъ и ведутъ къ вождю, обвиняя охотника въ убійствѣ ихъ начальника. Охотникъ въ свою защиту говоритъ, что леопардъ начальникъ лѣса и слѣдовательно чужой, послѣ чего его отпускаютъ на свободу. Туземцы Гвіаны принимаютъ также цѣлый рядъ предосторожностей, чтобы обезопасить себя отъ мести убитаго ими тапира. Населеніе Камбоджи проситъ извиненія у животнаго послѣ убійства послѣдняго, чтобы его духъ не приходилъ и не мучилъ ихъ: они приносятъ жертвы убитому, но эти жертвоприношенія всегда пропорціональны величинѣ и силѣ животнаго. Поэтому убійство слова сопровождалось весьма торжественными обрядами.

Первобытный дикарь, надѣляя животныхъ тѣми же чувствами и способностями, какъ и людей, признавая у животныхъ такую же душу, какъ и у человѣка, переживающую тѣло послѣ смерти, естественно стремится гарантировать себя отъ мести духа убитаго звѣря. Вслѣдствіе этого нерѣдко встрѣчается, что дикарь избѣгаетъ вообще убивать опасное животное: даяки Борнео или населеніе Мадагаскара избѣгаютъ убивать крокодила, нѣкоторые племена сѣв. Америки—гремучую змѣю, жители Суматры—тигра и т. д. Такимъ образомъ опасный звѣрь, не будучи тотемомъ, тѣмъ не менѣе оберегается населеніемъ изъ соображеній, что духъ его; столь же опасный послѣ смерти, не достаточно умиловленный, можетъ принести больше вреда, чѣмъ живой звѣрь. Страхъ предъ духомъ убитаго звѣря приводитъ не только къ извиненіямъ, которыя дикарь приноситъ предъ тѣломъ своей добычи, но и къ празднеству, составляющему характерную черту и культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Совершенно такъ же, какъ празднество устраивается послѣ удачной охоты на слона, льва и др. крупныхъ представителей фауны, остяки, вогулы и нѣкоторые другіе инородцы Россіи, равно и населеніе сѣв. Америки послѣ убійства медвѣдя, приступаютъ къ

торжественному пиршеству. Характеръ этого послѣдняго не позволяетъ предполагать, чтобы оно возникло изъ обычныхъ пиршествъ, которыми можетъ сопровождаться обыкновенная удачная охота дикарей, благодаря обилію пищевыхъ продуктовъ. Всюду это пиршество носитъ ритуальный характеръ; всѣ дѣйствія исполняются по строго опредѣленному обычаю; наконецъ они имѣютъ характеръ почитанія звѣря. Въ основѣ большинства обрядовъ, сопровождающихъ празднество, лежитъ мысль умилоствленія духа убитаго звѣря и затѣмъ принятіе мѣръ предосторожности отъ могущей послѣдовать съ его стороны мести за убійство.

Остязки, пишетъ Палласъ ¹⁾, „содранную кожу (медвѣдя) вѣшаютъ на высокомъ деревѣ, показываютъ ей всякое почтеніе, извиняются начувствительнѣйше, что убили, думая, что они чрезъ то предупредить тотъ вредъ, какой душа медвѣдя имъ сдѣлать можетъ“. Не останавливаясь на подробностяхъ, сопровождающихъ праздникъ по убіеніи медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, мы ограничимся указаніями только на слѣдующія черты его ²⁾:

1) Шкуру съ убитаго медвѣдя снимаютъ съ особой предосторожностью, дѣлая видъ, будто снимаютъ съ него его шубу. Опасаются оставлять въ лѣсу, на мѣстѣ охоты, частицы тѣла медвѣдя. Въ случаѣ, если не нуждаются въ мясѣ медвѣдя, необходимо его предать землѣ, какъ дѣлаютъ съ покойникомъ. Несоблюденіе же этихъ обрядовъ повлечетъ за собой дурныя послѣдствія.

2) Послѣ убіенія медвѣдя, равно и по принесеніи медвѣдя въ юрту, остязки зимой бросаютъ другъ въ друга снѣгомъ, а лѣтомъ или опрыскиваютъ другъ друга водой, или бросаютъ другъ въ друга землей. Вѣроятно же всего, что этотъ обычай стоитъ въ связи съ сознаніемъ необходимости очистить себя послѣ совершеннаго убійства медвѣдя. Очищеніе приняло символическую форму.

3) Торжественное перенесеніе медвѣдя въ селеніе носитъ одновременно характеръ почитанія и предосторожности. Первое ясно сказывается въ бережности, съ которой шкура медвѣдя переносится: охотникъ кладетъ ее себѣ на грудь, лапы складыва-

¹⁾ Палласъ: Путешествіе. III, пол. 1, стр. 85.

²⁾ Ратканов, I, с; Н. Л. Гондатти, I, с.; Н. Ядрищевъ: О мультѣ медвѣдя.

ются, голова, съ которой, какъ и съ лапъ, не снимаютъ шкуры, покоится на плечѣ охотника. Сопровождающіе поютъ пѣсни въ честь медвѣдя, стрѣляютъ опредѣленное количество разъ изъ ружей и пр., женщины приступаютъ къ изготовленію въ переднемъ углу, въ наиболѣе почетномъ мѣстѣ, помѣщенія для шкуры, куда она и кладется въ опредѣленномъ положеніи. Предосторожность выражается прежде всего въ томъ, что шкуру никогда не вносятъ чрезъ дверь, а подаютъ ее или чрезъ окно, или другое отверстіе. Обычай этотъ соблюдался и у лопарей въ прежнее время. Онъ очевидно стоитъ въ связи съ обычаемъ не выносить покойника чрезъ двери, а черезъ какое-нибудь другое отверстіе, который отмѣченъ между прочимъ и у остяковъ и вогуловъ. Вообще обыкновеніе выносить умершаго не чрезъ дверь, а чрезъ другое отверстіе, для чего верѣдко дѣлается проломъ въ жилищѣ, извѣстно у цѣлаго ряда народностей: оно отмѣчено у многихъ инородцевъ Россіи, гдѣ кромѣ остяковъ и вогуловъ ¹⁾ его соблюдали самоѣды, тунгусы, далѣе онъ встрѣченъ у эскимосовъ, тлинкитовъ, альгонкиновъ, оджибвеевъ Сѣв. Америки, у нѣкоторыхъ народностей Африки, въ Меланезіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, въ Тибетѣ, Китаѣ, Сіамѣ и т. д. Онъ былъ извѣстенъ и въ Скандинавіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, Италіи, Голландіи и въ древней Россіи ²⁾. Этотъ обычай стоитъ въ связи съ пѣлымъ рядомъ мѣръ предосторожности, которыя принимаются дикарями въ отношеніи къ своимъ умершимъ, и развивается на почвѣ первобытнаго воззрѣнія о тѣсной связи, существующей между душой и тѣломъ: все, что совершается въ отношеніи къ тѣлу, отражается и на душѣ. Вынося покойника не черезъ двери, а черезъ особое отверстіе, дикарь надѣется оградить себя отъ прихода духа умершаго; если онъ и вернулся бы, онъ не нашелъ бы дверей, такъ какъ слѣды привели бы его къ глухой стѣнѣ. Подобное предположеніе о возможности обмануть указаннымъ путемъ духа не должно казаться слишкомъ наивнымъ для мысли некультурнаго человѣка: хотя душа по вѣрованіямъ дикаря и представляетъ существо, обладающее сверхъестественной силой, способностью къ превращеніямъ и пр.,

¹⁾ Н. М. Гондатти: *Слѣды изысканій вѣрованій Маньчжуръ*, стр. 66.

²⁾ Д. Н. Анучинъ: *Сани, ладыя и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда* См. также Robinson: *Die Psychologie der Naturvölker*, стр. 45.

но это еще не значитъ, чтобы онъ смотрѣлъ на свою душу и души животныхъ и предметовъ, какъ на субстанцію духовную въ нашемъ смыслѣ этого слова. Душа прежде всего матеріальна и обладаетъ тѣми же качествами, какъ и живой человѣкъ: она, напр, можетъ заблудиться по дорогѣ отъ могилы въ селеніе; поэтому туземцы Юкатани, у которыхъ культъ умершихъ уже развитъ, отмѣчаютъ мѣломъ дорогу, ведущую отъ могилы къ жилымъ строениямъ: слѣдуя этимъ указаніямъ, душа не можетъ потерять дороги. Населеніе Никоборскихъ о-въ, раздѣляя вѣру въ способность душъ посѣщать живыхъ, желаетъ однако оградить себя отъ подобныхъ посѣщеній; жители убѣждены, что вполне достигаютъ своей цѣли тѣмъ, что ставятъ передъ жилищами кѣчто въ родѣ ширмъ или экрановъ изъ древесной коры; души умершихъ не увидятъ жилищъ и будутъ принуждены возвратиться ¹⁾. Совершенно та же цѣль достигается путемъ выношенія покойника и черезъ дверь—онъ не найдетъ обратной дороги. Въ отношеніи къ медвѣдю очевидно соблюдается та же мѣра предосторожности: его вносятъ въ особое помѣщеніе, чрезъ особое отверстіе, и если бы душа медвѣдя пожелала послѣ посѣтить юрту, гдѣ лежала его шкура, она не пойдетъ по слѣдамъ входныхъ дверей. Аналогичную мѣру предосторожности слѣдуетъ видѣть и въ обычаяхъ класть на глаза убитаго медвѣдя, послѣ того какъ его шкура будетъ расположена въ почетномъ углу, серебряныя монеты, и кромѣ того еще надѣвать берестяной намордникъ. Закрытіе глазъ покойника монетами или платкомъ, закрытіе ему рта, покрываніе его головы или всего тѣла и т. п. обряды находятъ себѣ обильныя аналогіи въ обычаяхъ разныхъ народовъ ²⁾. Сохраняясь долгое время въ качествѣ переживанія, эти обряды имѣютъ своимъ источникомъ желаніе помѣшать умершему смотрѣть на окружающихъ и узнавать ихъ. Что дѣлается въ отношеніи къ умершему человѣку, духа котораго дикарь всегда боится, примѣняется и къ медвѣдю, духъ котораго является не менѣе страшнымъ остяку или вогулу. Объясненіе въ настоящее время этого обычая инородцами, которое мы встрѣчаемъ у Н. Л. Гондатти ³⁾, что женщины

¹⁾ Spencer: Principes. II, стр. 244.

²⁾ Robinson: Psychologie d. Naturvölker, стр. 44.

³⁾ Н. Л. Гондатти, I. с. стр. 75.

не достойны смотрѣть медвѣдю въ глаза и цѣловать его въ губы, какъ это дѣлають мужчины, впервые входящіе въ юрту, гдѣ лежитъ медвѣдь, кажется намъ лишь позднѣйшимъ объясненіемъ обряда; ставшаго непонятнымъ для самихъ совершающихъ. Очевидно, что въ отношеніи къ медвѣдю, принесенному въ юрту, примѣняются тѣ же мѣры, какъ и къ покойнику во время нахождения послѣдняго въ жиломъ помѣщеніи; даже топоръ спѣшатъ положить подъ порогъ, какъ и послѣ смерти одного изъ жившихъ въ юртѣ; медвѣдю закрываютъ глаза оттого, что ихъ закрывали и у покойника. Слѣдовательно, и источникъ этого обычая, все равно, примѣнялся ли онъ къ человѣку или медвѣдю, долженъ быть одинаковымъ. Надѣваніе же намордника вѣроятно всею имѣло цѣлью помѣшать мертвому медвѣдю причинить вредъ лицамъ, которыя его цѣловали.

4) Само празднество при соблюденіи мѣръ предосторожности носитъ характеръ чествованія медвѣдя и находитъ себѣ много аналогій среди народностей, у которыхъ мы встрѣчаемъ культъ убитаго крупнаго звѣря. Медвѣдю приносятъ символическія жертвы: предъ головой медвѣдя ставится нѣсколько изображеній, оленей, сдѣланныхъ изъ хлѣба или бересты; лапы убитой медвѣдицы украшаются кольцами. На празднество сходятся не только односельчане, но и гости, которые, услышавъ о результатѣ охоты, пріѣзжаютъ издалека. Духъ медвѣдя веселятъ пѣснями и плясками, носящими обрядовый характеръ. „Сюжеты пѣсень, замѣчаетъ г. Гондатти, различны: поютъ про медвѣдя, какъ онъ гулялъ по лѣсу, какъ нашелъ себѣ подругу, какъ сдѣлалъ берлогу; поютъ про его прежнюю жизнь на небѣ и на землѣ; поютъ про богатырей и прежнее славное время, когда не было пришельцевъ и всего было вдоволь—и звѣря, и птицы, и рыбы; поютъ про боговъ, про ихъ любовь и ненависть другъ къ другу и про ихъ отношенія къ людямъ“.

Въ числѣ пѣсень г. Ядрияцевъ упоминаетъ еще о „пѣснѣ медвѣдя“, которую „не всякій можетъ пѣть“ и которую „знають только старики;“ эта пѣснь была создана медвѣдемъ тогда, когда онъ былъ еще по преданію человѣкомъ ¹⁾.

¹⁾ Н. М. Ядрияцевъ. О культѣ медвѣди, стр. 103.

Во время плясокъ, исполняемыхъ между пѣсями, стараются приноровиться пляской къ содержанію пѣсенъ; если пѣли про медвѣдя, то стараются въ пляскѣ подражать ему. Наконецъ, въ честь убитаго медвѣдя устраиваютъ нѣчто вродѣ драматическихъ представленій, во время которыхъ участники въ представленіи надѣваютъ берестяныя или деревянныя маски и измѣняютъ свой костюмъ. Назначеніе масокъ, по словамъ г. Гондатти,—между прочимъ скрывать лица играющихъ отъ медвѣдя и отъ зрителей: медвѣдь любитъ увеселенія, но плясать и въ то-же время смотрѣть ему въ глаза нельзя. Въ драматическихъ сценахъ весьма часто играетъ роль медвѣдь, эпизоды охоты на него и т. п. Значительное количество подобныхъ драматическихъ сценъ приведено г. Гондатти въ его интересной работѣ ¹⁾. При началѣ и окончаніи каждой пѣсни, пляски или представленія, низко кланяются медвѣдю. Весьма характерно, что празднества происходятъ всегда ночью, такъ какъ „боги преимущественно въ это время посѣщаютъ землю и такимъ образомъ они могутъ видѣть, какъ почитается тѣнь убитаго звѣря; всѣ почести, воздаваемые шкурѣ, имѣютъ своимъ назначеніемъ медвѣжью тѣнь“. Празднества длятся иногда нѣсколько ночей. Въ теченіе пиршества мясо варится и съѣдается.

5) Празднество заключается обрядовымъ ѣденіемъ нѣкоторыхъ частей медвѣдя. Въ послѣднюю ночь празднества, на разсвѣтѣ, шкуру медвѣдя выносятъ въ поле; мужчины при этомъ борются и бросаютъ другъ въ друга снѣгомъ, а женщины, которыя въ поле не выходятъ, при выносѣ шкуры бросаются снѣгомъ и обливаются водой. Въ полѣ мужчины готовятъ себѣ голову, лапы и сердце медвѣдя. Женщины варятъ себѣ медвѣжьей задъ, который предоставляется въ ихъ распоряженіе. Черепъ медвѣдя вѣшаютъ на дерево. Тщательно собираются остатки отъ трапезы и сжигаются, чтобы къ нимъ не прикасались собаки или птицы; послѣ вкушенія священнаго мяса, во время послѣдней трапезы тщательно вытираютъ себѣ губы и руки подержанными въ дыму стружками; стружки затѣмъ бросаютъ въ огонь. Этимъ собственно и кончается празднество. Чрезвычайно интересную подроб-

¹⁾ Н. Л. Гондатти, l. c; см. также Ahlquist: Unter Wogulen u. Ostjaken стр. 256—258 (Acta Societ. scientiarum Fennicae XIV).

ность сообщает Филимоновъ объ осякахъ Томской губ. ³⁾: они стремятся обмануть медвѣдя и увѣрить его, что не люди съѣли его мясо. Въ пиршествѣ принимаютъ участіе все, кромѣ дѣтей. Когда мясо съѣдено, старуха приближается къ котлу, открываетъ глаза медвѣдя и спрашиваетъ его, кто его убилъ, кто съѣлъ его мясо. Затѣмъ вводятъ дѣтей, къ которымъ старуха обращается съ вопросомъ, не знаютъ ли они, кто съѣлъ мясо медвѣдя. Дѣти отвѣчаютъ, что они видѣли, какъ налетѣли птицы и расклевывали тѣло медвѣдя; старуха бранитъ птицъ, спрашиваетъ, куда онѣ улетѣли, на что получаетъ отъ дѣтей отвѣтъ, что они не знаютъ этого, но что, вѣроятно, онѣ улетѣли далеко. Въ этомъ интересномъ обрядѣ опять сказывается лишь предосторожность со стороны употребившихъ въ пищу мясо медвѣдя, съ цѣлью обмануть послѣдняго и такимъ образомъ отвести отъ себя гнѣвъ его. Глаза медвѣдя закрыты, они, слѣдовательно, закрыты и у его духа, такъ какъ общераспространенное у нецивилизованныхъ расъ представленіе заставляетъ вѣрить, что душа испытываетъ на себѣ все то, что испытываетъ тѣло. Медвѣдь, или точнѣе его духъ, не можетъ видѣть, кто съѣлъ его мясо, и притворное удивленіе старухи, ея гнѣвъ на птицъ кажутся осяку достаточными, чтобы обмануть медвѣдя и заставить вѣрить въ невинность людей.

Въ приведенныхъ чертахъ, характерныхъ для культа медвѣдя у осяковъ и вогуловъ, мы не встрѣтимъ ничего, что позволяло бы опредѣлять первоисточникъ почитанія медвѣдя. Эти черты въ основномъ повторяются при пиршествахъ, устраиваемыхъ въ честь медвѣдя у другихъ народностей, равно и при употребленіи въ пищу или убійствѣ слоновъ, тигровъ и пр., гдѣ они оказываются наиболѣе выдающимися или опасными представителями мѣстной фауны. Аналогичные обряды можно встрѣтить какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они, очевидно, развились изъ тотемизма, равно и тамъ, гдѣ этотъ видъ зоолатріи нѣтъ возможности поставить, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, въ связь съ тотемизмомъ.

Прежде чѣмъ коснуться тѣхъ чертъ культа медвѣдя у осяковъ и вогуловъ, которыя на нашъ взглядъ прямо или косвенно свидѣтельствуютъ о происхожденіи его изъ тотемизма, намъ пред-

³⁾ Patkanow: Die Irtysch-Ostjaken, стр. 127—128 примѣч.

стоятъ устранить одно изъ возраженій, которое дѣлаетъ Фрззеръ противъ тотемической основы этого культа. Дѣло въ томъ, что характернымъ для тотемизма является стремленіе дикаря охранить своего тотема, вслѣдствіе чего дикарь считаетъ обыкновенно грѣховнымъ употреблять его въ пищу. Психологія дикаря заставляетъ иногда выработать ритуальное жертвоприношеніе тотема. Убитаго тотемическаго звѣря приносятъ въ опредѣленное время въ жертву, иногда съѣдаютъ его мясо, но въ этихъ случаяхъ само пришествіе носитъ уже совершенно иной характеръ. Тотема нельзя убивать постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ это дѣлаютъ остатки и вогулы, даже вмѣняющіе себѣ въ честь удачную охоту на медвѣдя. То-же отношеніе къ охотѣ на медвѣдя можно встрѣтить и у нѣкоторыхъ, даже большинства народностей, у которыхъ отмѣченъ этотъ культъ. Между тѣмъ это кажущееся противорѣчіе легко устраняется. Прежде всего, не смотря на уваженіе къ тотему, случая, когда дикарь убиваетъ его не для ритуальныхъ цѣлей, извѣстны въ этнографической литературѣ: убійство тотема имѣетъ мѣсто или подъ вліяніемъ необходимости (напр. голода), или если тотемомъ оказывается опасный и вредный звѣрь.

Среди обрядовъ, сопровождающихъ убійство медвѣдя, Фрззеръ приводитъ фактъ убійя медвѣдя въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній оказывается тотемомъ, именно у краснокожаго племени *Ojibwa*, подраздѣленія котораго основываются на тотемизмѣ. У этого племени отдѣльные рода имѣютъ названія животныхъ: заяцъ, сазанъ, чайка, медвѣдь. Если лицо, принадлежащее къ роду медвѣдя, убьетъ медвѣдя, оно устраиваетъ празднество и извиняется предъ нимъ за совершенное убійство; охотникъ увѣряетъ медвѣдя, что ихъ, охотниковъ, дѣти голодны, что дѣти любятъ медвѣдя и желаютъ воспринять медвѣдя въ свои тѣла ¹⁾.

Австралійцы, у которыхъ тотемизмъ можно наблюдать въ его, пожалуй, наиболѣе чистомъ видѣ, тщательно избѣгаютъ убивать и употреблять въ пищу животное, имя котораго носитъ группа, къ которой они принадлежатъ. Если же голодъ вынудитъ австралійца воспользоваться тотемическимъ животнымъ въ качествѣ пищи, то онъ старается выразить свое горе, что былъ вынужденъ

¹⁾ Frazer: *The golden Bough*. II, стр. 113.

съѣсть своего друга, свое собственное тѣло: онъ хватается за грудь, указывая на узъ близкаго родства, соединяющаго его съ тотемомъ, выражая этимъ, что онъ съѣдаетъ какъ-бы часть собственного тѣла ¹⁾). Бассуто Африки раздѣлены на тотемическія группы, изъ которыхъ каждая обыкновенно носить имя своего тотема—животнаго или растенія. Никто не рѣшится ѣсть мясо или носить шкуру животнаго, имя котораго носить его тотемическій союзъ. Но если тотемомъ оказывается опасный звѣрь, напр. левъ, его убиваютъ, предварительно принеся ему извиненіе, и затѣмъ подвергаютъ себя очистительнымъ обрядамъ ²⁾). Эти и аналогичные указаннымъ факты даютъ, какъ намъ кажется, ключъ къ устраненію вышеприведеннаго возраженія противъ возможности возникновенія культа медвѣдя послѣ убійства его изъ тотемическихъ основъ: убійство медвѣдя и употребленіе въ пищу его мяса могло встрѣчаться и въ случаѣ, если медвѣдь былъ когда-нибудь тотемомъ у остяковъ и вогуловъ. Онъ является наиболѣе крупнымъ, наиболѣе опаснымъ звѣремъ; необходимость, потребность въ пищѣ или желаніе избавиться отъ непріятнаго сосѣдства могли приводить остяка или вогула къ убійству медвѣдя, даже если онъ считался тотемомъ совершенно такъ же, какъ эти-же соображенія заставляютъ представителя племени *Otawa*, хотя бы онъ принадлежалъ къ тотемическому роду медвѣдя, убивать послѣдняго, или австралійца съѣдать подъ вліяніемъ голода своего тотема. Въ самомъ фактѣ употребленія въ пищу медвѣдя и существованія обычая убивать его, нѣтъ основанія такимъ образомъ видѣть возраженіе противъ возможности происхожденія культа медвѣдя изъ тотемизма.

Предположеніе о тотемической основѣ культа, на которое наводитъ характеръ обрядовыхъ плясокъ, сопровождающихъ пѣсни, которыя поются во время ночнаго пиршества въ честь медвѣдя, требуетъ нѣкотораго поясненія. Въ этихъ пѣсняхъ видное мѣсто занимаетъ повѣствованіе изъ жизни медвѣдя, и пляшущіе стараются тѣлодвиженіями изображать воспѣваемого звѣря. Пляски, изображающія въ лицахъ воспѣваемое животное или событіе изъ

¹⁾ Lang: *Muthes, cultes et religion*, стр. 60.

²⁾ Lang: *l. c.* стр. 67.

жизни населенія, были, повидимому, широко распространены среди остяковъ. На нихъ обратилъ особенное вниманіе и Палласъ ¹⁾. Въ этихъ пляскахъ, требовавшихъ отъ исполнителей много искусства, ловкости и труда, изображались „отчасти ихъ поступки на промыслахъ разныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ, отчасти склонность и разныя особливѣйшихъ звѣрей и птицъ положенія, побѣги, отчасти насмѣшки надъ своими сосѣдами, и все въ такту по чужыѣ... Такъ, напр., видѣлъ я соболиной промыселъ, обычай и поступки журавлиную, лосью, полетъ и поискъ мышей мышелова, птицъ... Труднѣе всего мнѣ кажется, продолжаетъ Палласъ, когда плишутъ журавля: гдѣ пляшутъ скорчившись, закрывшись шубою, а сквозь рукавъ продѣваютъ палку, у которой на концѣ надѣвается изъ дерева сдѣланная журавлиная голова, и такимъ образомъ или прясѣвъ, или совсѣмъ скорчася пляшетъ, дѣлая палкой всѣ движенія, какія настоящій журавль головой производитъ. Въ пляскѣ лось музыкантъ долженъ равнымъ образомъ выражать различный его побѣгъ, рысью или вскачь, или такъ ходить просто, также и малые отдыхи, кои лось на побѣгѣ дѣлаетъ для осмотра, откуда за нимъ гонятся“. Пляски очевидно исполнялись съ большимъ искусствомъ, съ сохраненіемъ типичныхъ особенностей изображаемаго животного или лица, такъ какъ Палласъ въ заключеніе добавляетъ: „Надѣяться-бъ кажется нельзя отъ столь дикаго народа, столь искусныхъ и изрядно выдуманныхъ представленій“. Мимическія пляски, какъ извѣстно, весьма широко распространены среди некультурныхъ народностей; способность и стремленіе къ подражанію могутъ быть признаны характерной чертой первобытнаго человѣка. Если въ пляскахъ дикарь особенно часто любитъ изображать представителей окружающей его фауны, то это конечно объясняется главнымъ образомъ вліяніемъ охотничьяго быта на его воображеніе: однако одновременно съ плясками, въ которыхъ фигурируютъ животныя, дикарь знаетъ и любитъ пляски, мимически представляющія войну, особенности своихъ сосѣдей и пр. Остяки напр., по словамъ Палласа, изображали и русскихъ женщинъ, идущихъ мыть платье на рѣку, и другія сцены изъ своей жизни. Некультурные народы,

¹⁾ Палласъ: Путешествіе. III, пол. 1-ая, стр. 85, 86.

однимъ словомъ, широко пользуются присущей имъ способностью къ подражанію.

Бушмены и австралійцы, не менѣе чѣмъ остяки, приводили въ удивленіе изслѣдователей своимъ умѣніемъ до мельчайшихъ подробностей воспроизводить движенія отдѣльныхъ лицъ и извѣстныхъ породъ животныхъ ¹⁾. Существованіе мимическихъ плясокъ естественно объясняется именно развитіемъ подражательной способности у дикарей. Штейненъ описываетъ подробно пляски у туземцевъ центральной Бразиліи, при чемъ пляшущіе весьма часто изображали животныхъ, птицъ, рыбъ и т. д., надѣвали при этомъ шкуру изображаемаго животного, украшали себя перьями представляемой птицы и надѣвали, кромѣ того, на себя еще маски, представляющія головы животныхъ, птицъ, рыбъ ²⁾. Мимическія пляски, изображающія животныхъ или птицъ, широко распространены среди эскимосовъ, у краснакожаго населенія въ Америкѣ и въ Австраліи. У жителей послѣдней мы встрѣчаемъ пляски, изображающія эму, динго, кенгуру, лягушку, бабочку и пр. Одновременно съ подражаніями животнымъ, австралійцы въ пляскахъ изображали сцены изъ жизни, напр., путешествіе въ лодкѣ, войну и т. п. ³⁾.

Особенное удивленіе своему искусству изображать животныхъ австралійцы вызывали въ пляскахъ, изображающихъ кенгуру, эму и динго, состоявшихъ въ подражаніи названному животному. „Ничего не можетъ быть болѣе смѣшнымъ ни болѣе правдоподобнымъ подражаніемъ“, замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей ⁴⁾. Пляска является прежде всего внѣшнимъ выраженіемъ извѣстнаго психическаго состоянія дикаря; если она часто принимаетъ мимическій характеръ, то это находитъ себѣ объясненіе въ присущей некультурному человѣку подражательной способности; наконецъ, частое подражаніе представителямъ мѣстной фауны объясняется общимъ строемъ охотничьяго быта, при которомъ именно животныя и птицы обращаютъ на себя преимущественное вниманіе первобытнаго охотника. Искать источника пляски вообще и въ частности

¹⁾ Grosse: Die Anfänge der Kunst, стр. 214.

²⁾ K. v. Steinen: Unter d. Naturvölkern Brasiliens, стр. 296 и слѣд. См. также Ehrenreich: Beiträge z. Völkerkunde Brasiliens, 30, 34, 51, 70.

³⁾ Grosse. Die Anfänge der Kunst, 208 и слѣд.

⁴⁾ Brough Smyth: The aborigines of Victoria. I, 173.

мимической непременно въ религіозномъ міровоззрѣніи дикаря, какъ это дѣлается, напр., Герландъ ¹⁾), имѣть никакого основанія, но религіозные мотивы весьма нерѣдко заставляютъ дикаря прибѣгать къ пляскѣ. Ритуальной пляской сопровождаются празднества у многихъ некультурныхъ народовъ, причемъ въ пляскѣ часто стараются изобразить событіе изъ жизни сверхъестественнаго существа, въ честь котораго устраивается празднество. Въ этихъ случаяхъ мимическая пляска имѣетъ уже ритуальное значеніе. Религіозныя пляски, встрѣченныя въ большомъ количествѣ среди австралійцевъ ²⁾), отмѣчены въ значительномъ числѣ пунктовъ Сѣв. Америки, на о-вахъ Тихаго океана, гдѣ мѣстами употребительны и маски ³⁾; Эренрейхъ упоминаетъ о религіозныхъ пляскахъ у туземцевъ Бразиліи ⁴⁾). Въ мѣстностяхъ, гдѣ тотемизмъ играетъ выдающуюся роль въ религіозныхъ представленіяхъ, ритуальныя пляски нерѣдко изображаютъ событія изъ сообщаемой мѣстами жизни животнаго тотема; пляски этого рода мимическія. Такого рода мимическія пляски, имѣющія цѣлью изобразить эпизодъ изъ жизни тотема, или вообще пляски, гдѣ участники подражаютъ тотему въ своихъ движеніяхъ и нарядѣ, извѣстны въ разныхъ мѣстностяхъ земного шара. Тотемическій характеръ, напр., имѣютъ пляски идѣйцевъ племени нутки и мандановъ, у которыхъ существуютъ спеціальныя пляски волка и медвѣдя ⁵⁾), или пляска черепахи у паумари Бразиліи, которые исполняютъ эту ритуальную пляску во время празднества, устраиваемаго при первомъ вкушеніи ребенкомъ мяса ⁶⁾). Естественно, что при господствѣ тотемизма, каждый тотемическій союзъ можетъ имѣть свою особую пляску, въ которой мимически изображается тотемъ-животное; при обособленности родовыхъ тотемическихъ группъ, приводящей къ тому, что каждый родъ нерѣдко даже имѣетъ свою татуировку, часто представляющую рисунокъ тотемическаго животнаго, нерѣдко и свою, одному ему

¹⁾ Waitz und. Gerland: *Antropologie*, VI, стр. 755.

²⁾ Op. Groase: *Die Anfänge der Kunst*, стр. 209 и слѣд; также Waitz VI, стр. 755.

³⁾ Finsch: *Ethnol. Erfahrungen aus d. Südsee*, 122 (30).

⁴⁾ Ehrenreich: *Beitr. z. Völkerk. Brasiliens*. О пляскахъ вытекающихъ изъ тотемизма см. Frazer: *Totemism*, стр. 39 и слѣд.

⁵⁾ Lang: *Modern Mythology*, стр. 142.

⁶⁾ Ehrenreich: *Beitr. z. Völkerk. Brasiliens*, стр. 51.

присущую, прическу, воспроизводящую какія-нибудь особенности тотема ¹⁾, мы должны предположить широкое распространение обычая—членам тотемического союза имѣть свою обрядовую мимическую пляску, въ искусство которой не посвящены представители другихъ родовъ того-же племени. Насколько знаніе подобнаго рода плясокъ можетъ быть тѣсно связаннымъ съ приваженностью лица къ тому или другому тотемическому союзу, выясняется на примѣрѣ кафрскаго племени бегуановъ, дѣленіе которыхъ на тотемическіе рода еще вполне жизненно: чтобъ обозначить ихъ обычай называть себя по именамъ животныхъ (напр., люди-крокодилы, люди-рыбы, люди-буйволы и т. д.), они употребляютъ слово *bina*—плясать; поэтому, чтобы узнать, къ какому племени принадлежитъ данное лицо, необходимо спросить его, какую онъ пляску пляшетъ. У бушменовъ миеологія и культъ еще настолько тѣсно связаны съ ритуальной пляской, что если бушменъ не знаетъ какого-нибудь миеа, онъ отвѣтитъ спрашивающему: я не пляшу этой пляски; этимъ онъ выражаетъ, что онъ не принадлежитъ къ корпораціи, которая сохраняетъ данное преданіе ²⁾. Возникнувъ на почвѣ тотемизма, подобныя обрядовыя пляски продолжаютъ долго сохраняться въ культѣ даже тогда, когда тотемическія представленія успѣли уступить другимъ, болѣе высокимъ, когда духъ-покровитель превратился въ племенное или видовое божество, утратившее совершенно свой первоначальный теріоморфическій характеръ. Прекрасный примѣръ этой живучести обрядовыхъ мимическихъ плясокъ, возникшихъ на почвѣ тотемизма, можно видѣть въ „пляскѣ медвѣдя“, исполнявшейся въ честь Артемиды, тотемическій и зооморфный характеръ которой обнаруженъ Лангомъ ³⁾.

Пляски, мимически изображающія медвѣдя, употребляемыя остяками и вогулами во время пиршества въ честь медвѣдя, носятъ, очевидно, религіозный и обрядовый характеръ: онѣ сопровождаются пѣснями, въ которыхъ рассказываются легенды о медвѣдѣ и, какъ таковыя, близко подходятъ къ ритуальнымъ тотемическимъ пляскамъ дикарей. Въ виду того, что мимическія пляски, изображающія животныхъ, могутъ имѣть два источника происхо-

¹⁾ Frazer: Totemism, стр. 27-30.

²⁾ Lang: Mythes, cultes et religion, стр. 67-68.

³⁾ Lang: Modern Mythology, стр. 137-147; см. также его Mythes etc., стр. 512—524.

жденія—тотемизмъ и простое подражаніе—только тогда можно съ полной увѣренностью говорить, что пляска вытекаетъ изъ тотемическихъ основъ, когда группа, исполняющая ее, признаетъ своимъ тотемомъ то животное, которое она изображаетъ въ пляскѣ. Относительно остиковъ и вогуловъ поэтому нѣтъ возможности выставить это положеніе вполне опредѣленно: медвѣдь, равно и другія чтимыя ими животныя, утратили тотемическій характеръ, предполагая, что они его когда-нибудь имѣли; слѣдовательно, о происхожденіи мимическихъ плясокъ у названныхъ народностей можно дѣлать двоякое предположеніе: 1) что эти пляски исключительно подражательныя, вызванныя къ жизни господствомъ охотничьяго быта; 2) что онѣ нѣкогда носили тотемическій характеръ, что каждый родъ остиковъ имѣлъ и свою пляску, изображающую его животное-покровителя, тотема, и что лишь впоследствии, съ упадкомъ и забвеніемъ тотемизма, съ прекращеніемъ обособленности религіозныхъ представленій въ отдѣльныхъ родовыхъ союзахъ, эти пляски сдѣлались общимъ достояніемъ всего народа. Не касаясь рѣшенія этого вопроса относительно всѣхъ мимическихъ плясокъ, подражающихъ животнымъ у остиковъ, намъ кажется, что основательнѣе видѣть въ пляскахъ, представляющихъ медвѣдя и исполняемыхъ во время ритуальнаго празднованія, гдѣ всѣ подробности вытекаютъ изъ религіозныхъ представленій остиковъ и вогуловъ, религіозную основу. Эта послѣдняя, очень вѣроятно, можетъ быть тотемической. За это говоритъ прежде всего сходство самого обычая съ тотемическими обрядами; но она можетъ быть, пожалуй, и случайной. Для насъ пока важность представляетъ цѣль, предсѣдуемая при этихъ пляскахъ и пѣсняхъ: онѣ имѣютъ задачей не только веселить духъ убитаго медвѣдя, но и почтить и прославить его; въ нихъ находятъ себѣ наглядное выраженіе культъ, а при этомъ условіи едва ли возможно предполагать, чтобы сама пляска, служащая какъ бы иллюстраціей священной пѣсни, могла возникнуть изъ простого подражанія звѣрю: это послѣднее служить обыкновенно увеселеніемъ, какъ, напр., у лопарей игра-пляска въ олени, когда парни, приложивъ къ уху оленьи рога, изображаютъ ирвасовъ (самцовъ), а дѣвушки важонокъ (олений-самокъ); олени рѣзвятся, затѣмъ появляются охотники, вооруженные самострѣлами или луками, и игра представляетъ изображеніе охоты на оленей ¹⁾. Къ этой же кате-

¹⁾ Русские Лопари, стр. 340.

горіи игръ-плясокъ слѣдуетъ, очевидно, отнести и игры-пляски остяковъ, изображающія, напр., сцены изъ охотничьей жизни. Такого рода пляски могли исполняться во всякое время; священные пѣсни и пляски въ честь медвѣдя, изображающія послѣдняго, имѣютъ и до настоящаго времени религіозный, ритуальный характеръ. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право отнести ихъ къ разряду религіозныхъ, мимическихъ плясокъ и должны рѣшительно отвергнуть предположеніе, что онѣ должны быть соединены съ категоріей плясокъ чисто подражательныхъ. Вытекаютъ ли онѣ однако изъ тотемизма или изъ зоолатріи, возникшей на почвѣ страха дикаря предъ сильнымъ звѣремъ, этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ опредѣленно, до рѣшенія самого вопроса о происхожденіи культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Одновременное исполненіе не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ медвѣдю плясокъ, сопровождающихъ пѣсни о богахъ, объясняется тѣмъ, что остяки и вогулы вѣрують, что боги посѣщаютъ по ночамъ землю и могутъ видѣть устраиваемое людьми торжество въ честь медвѣдя; что при этихъ условіяхъ проявленія культа распространяются не только на медвѣдя, но и на другихъ духовъ, это вполне естественно. Соединеніе этихъ плясокъ, пѣсенъ и ритуальныхъ драматическихъ представленій съ представленіями, не имѣющими священнаго характера, даже иногда шуточныхъ, не противорѣчитъ религіозному значенію остальныхъ: культъ медвѣдя у современныхъ остяковъ и вогуловъ находится уже на пути къ упадку; далеко не всѣ знаютъ ритуалы праздника, что заставляеть инородцевъ западной Сибири иногда даже выписывать „какого-нибудь старика, за двѣ—три сотни верстъ, разъ онъ знаетъ всѣ пѣсни и представленія, безъ которыхъ праздникъ не въ праздникъ“¹⁾. При констатированномъ упадкѣ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ смѣшеніе ритуальныхъ пѣсенъ и плясокъ съ неритуальными оказывается вполне естественнымъ.

Весьма характерной чертой культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ оказывается, между прочимъ, мѣры, которыя принимаются населеніемъ для того, чтобы дать медвѣдю возможность продолжать свое загробное существованіе; лишивъ медвѣдя путемъ убійства возможности продолжать свою земную жизнь, инородецъ стремится

¹⁾ Н. Д. Гопдатти: Культа у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири, стр. 75.

обезпечить ему возможность воскресенія или, по крайней мѣрѣ, спокойнаго существованія въ качествѣ духа. Это отношеніе къ убитому стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ взглядами некультурнаго человѣка на сверхъестественныя существа, которыхъ онъ только боится: опасаясь ихъ при ихъ жизни, первобытный дикарь стремится ихъ уничтожить послѣ смерти, чтобы одновременно съ уничтоженіемъ тѣла уничтожить и его духъ. Отсутствіе этихъ мѣръ предосторожности, принимаемыхъ дикарями при зоолатріи въ отношеніи не къ полезному, а къ *опасному*, вредному звѣрю, тщательныя заботы дать духу возможность инкарнировать—все это служитъ весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу происхожденія зоолатрическаго культа изъ основъ тотемизма, когда опасный, вредный звѣрь считался тѣмъ не менѣе духомъ-покровителемъ известной родственной или территоріальной группы и, какъ таковой, охранялся отъ окончательнаго уничтоженія.

Тотема своего дикарь обыкновенно оберегаетъ и въ случаѣ смерти его принимаетъ мѣры къ обезпеченію ему загробнаго существованія: въ отношеніи къ умершему тотемическому животному примѣняются нерѣдко тѣ же обряды, которые употребительны при погребеніи близкихъ родственниковъ. Духъ-покровитель, находящійся во всѣхъ животныхъ опредѣленной породы, не умираетъ при смерти животнаго: онъ только покидаетъ данную плотскую оболочку. Это вѣрованіе, характерное для тотемизма, находитъ себѣ прекрасную иллюстрацію, напр., въ обычаяхъ населенія Самоа. Слѣды тотемизма весьма живы еще среди самоанцевъ, и почитаніе духа-покровителя селенія выражается, между прочимъ, и въ погребальныхъ обрядахъ тотемическаго животнаго. Если кто-нибудь изъ селенія, духомъ-покровителемъ котораго считается, напр., сова, найдетъ мертвую сову, онъ долженъ плакать надъ ней и бить себя камнемъ въ лобъ до крови. Затѣмъ онъ долженъ приступить къ погребенію жертвой птицы съ соблюденіемъ многихъ обрядовъ, какъ и при погребеніи человѣка. Смерть совы, однако, не означала смерть божества: оно считалось живымъ и воплощеннымъ во всѣхъ существующихъ совѣ. ¹⁾ Первобытный дикарь торжественно хоронитъ своего тотема и принимаетъ мѣры къ обезпеченію его загробной жизни оттого, что тотемъ ему оказывается полезнымъ. Утилитар-

¹⁾ G. Turner: Samoa a hundred years ago and long before, стр. 21.

ныя соображенія заставляютъ его прибѣгать къ тѣмъ же приѣмамъ и въ отношеніи къ звѣрямъ, охота на которыхъ служить ему виднымъ источникомъ пропитанія. Нѣкоторыя племена Сѣв. Америки, напр., вслѣдствіе этого устраиваютъ особыя празднества въ честь рыбъ, если рыболовство играетъ выдающуюся роль въ ихъ экономическомъ бытѣ. Они избѣгаютъ сжигать кости рыбъ, и это потому, что они вѣрують, что пока кости съѣденной рыбы цѣлы, духъ ея снова можетъ воплотиться въ рыбу ¹⁾. Уничтоженіе костей должно повести и смерть духа. Слѣдовательно, въ интересахъ охотниковъ сохранять кости животныхъ, которые служатъ въ качествѣ пищи, такъ какъ уничтоженіе костей должно повести за собой и уменьшеніе дичи ²⁾. Вѣра, что духъ животнаго или человѣка можетъ инкарнироваться вновь, если его кости сохранены, весьма распространена среди некультурныхъ народовъ: различій между душой животнаго и душой человѣка первобытный дикарь не знаетъ. Камчадалы, напр., вѣровали, что даже мухи воскреснутъ послѣ смерти и будутъ жить въ загробномъ мірѣ.

Лопари ³⁾ раздѣляли это вѣрованіе въ загробное существованіе представителей фауны. Вслѣдствіе этого кости жертвенныхъ животныхъ тщательно собирались и погребались, чтобы дать возможность воскреснуть жертвѣ. Это воззрѣніе о необходимости сохранять кости въ цѣлости стоитъ, въ свою очередь, въ зависимости отъ весьма распространеннаго вѣрованія, что душа находится въ тѣснѣйшей связи съ своей тѣлесной оболочкой. Поврежденія послѣдней отражаются на душѣ. Краснокожіе Америки вѣрятъ, что духъ человѣка переходитъ въ загробный міръ въ томъ видѣ, какой лицо имѣло при жизни: если оно не имѣло при жизни ноги, и духъ его явится одноногимъ; если оно было слѣпо, слѣпымъ будетъ и его духъ ⁴⁾ и т. д.

Австралиецъ изъ этихъ же соображеній отрѣзаетъ у убитаго врага большой палецъ правой руки, чтобы духъ убитаго не могъ въ него бросить копьѣ: этимъ онъ дѣлаетъ враждебно относящагося къ нему духа безвреднымъ ⁵⁾. Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, ког-

¹⁾ Frazer: The golden Bough. II, стр. 119.

²⁾ ibid стр. 122.

³⁾ Русские Лопари, стр. 180.

⁴⁾ Dodges: Our wild Indians, стр. 150.

⁵⁾ Robinson. Die Psychologie d. Naturvölker, стр. 95.

да дикарь стремится дать возможность духу воскреснуть или появиться не въ изувѣченномъ видѣ въ загробномъ мірѣ, онъ всегда заботится о сохраненіи костей и вообще останковъ умершаго.

Вполнѣ естественно, что такое заботливое отношеніе проявляется къ полезнымъ животнымъ, какъ, напр., у населенія Америки къ рыбамъ; но тамъ, гдѣ оно направлено къ звѣрю опасному и вредному, внушающему только страхъ, оно не можетъ имѣть другого основанія, кромѣ вѣрованія, что убитый звѣрь является инкарнаціей духа-покровителя.

Фрэзеръ¹⁾ указываетъ, что и медвѣдь, какъ крупная дичь, дающій въ изобиліи пищу населенію, снабжающій охотника шкурой, долженъ считаться полезнымъ.

У айновъ, на которыхъ онъ ссылается, это дѣйствительно такъ, но у остяковъ и вогуловъ мы видимъ другое отношеніе. Мясо медвѣдя дѣйствительно съѣдается, но шкура его обыкновенно, до послѣдняго времени по крайней мѣрѣ, не шла въ пользованіе убившихъ: она жертвуется богамъ. Дѣйствительно, въ настоящее время случаи продажи шкуры встрѣчаются изрѣдка, въ особенности у болѣе обрусѣлыхъ прииртышскихъ остяковъ, что объясняется фактомъ упадка культа²⁾. Доказательствомъ, что въ болѣе отдаленное время убивавшій не пользовался шкурой, служить, кромѣ частыхъ случаевъ принесенія, въ болѣе глухихъ мѣстахъ, шкуры въ даръ богамъ, и до настоящаго времени еще то уваженіе вообще къ медвѣжьей шкурѣ, которое застали у остяковъ прежніе изслѣдователи. Такъ Вѣлявскій³⁾, напр., сообщаетъ о суевѣрномъ уваженіи, которымъ окружали остяки между Березовымъ и Обдорскомъ бывшую на немъ медвѣжью шкуру. „Остяки, пишетъ онъ, никогда не допускали меня положить ее на мѣсто, но держали въ рукахъ нараспашку до тѣхъ поръ, пока я опять надѣвалъ ее... Я... не безъ удивленія наблюдалъ, съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ разсматривали они смертную оболочку своего божества, и, похаживая около моей шубы, нашептывали вѣроятно молитвы.

Только когти и клыки убитаго медвѣдя вырываются и сохра-

1) Frazer. The golden Bough II, стр. 132.

2) Н. Л. Гондатти I. с. стр. 77; Patkanow, t. с. стр. 130.

3) Повѣдка къ Ледовитому морю, 1833 г. стр. 92.

няются въ качествѣ предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе. Такимъ образомъ медвѣдя едва ли возможно причислить къ числу животныхъ, полезныхъ остякамъ и вогуламъ. Если къ этому прибавить, что устройство празднества стоитъ всегда большихъ расходовъ, что когда не достаетъ припасовъ у лица, устраивающаго праздникъ, сосѣди спѣшаютъ ему на помощь и приносятъ припасы, не требуя впослѣдствіи отдачи, далѣе, что мотивомъ современныхъ остяковъ при продажѣ шкуры является желаніе возмѣстить расходы ¹⁾,—едва ли возможно говорить, что охота на медвѣдя оказывается виднымъ источникомъ для существованія остяка или вогула. Пищей остякъ и вогулъ сравнительно обезпеченъ, а прежде до уменьшенія дичи, замѣчаемаго въ настоящее время, очевидно, былъ обезпеченъ въ большей степени: слѣдовательно, голодъ едва ли можетъ считаться импульсомъ къ охотѣ на медвѣдя; шкурой инородецъ не пользуется, празднество вовлекаетъ его въ расходы, и весь результатъ охотничьяго подвига сводится къ полученію клыковъ и когтей. Если же мы предположимъ, что остякъ убивалъ медвѣдя, какъ опаснаго сосѣда, намъ останется непонятнымъ священное значеніе, придаваемое медвѣдю, и тѣ мѣры, которыя принимаются для обезпеченія инкарнаціи медвѣдя или сохраненія его духа путемъ сохраненія костей: „при сдираниіи шкуры, при варкѣ мяса—кости никогда не раздробляются, а всегда разъединяются по составамъ“, замѣчаетъ Н. Л. Гондатти. Подобное же отношеніе къ костямъ убитаго медвѣдя мы встрѣчаемъ и у другой финской народности—лопарей: въ прежнее время, когда культъ медвѣдя у нихъ былъ еще въ силѣ, кости не переламывались, какъ это обыкновенно дѣлалось съ костями другихъ животныхъ для высасыванія мозга, и тщательно собирались и затѣмъ закапывались ²⁾. Доказательствомъ, что въ основѣ обычая остяковъ и вогуловъ сохранять въ цѣлости кости медвѣдя лежало, какъ и у прочихъ народностей, у которыхъ мы встрѣчаемъ аналогичные обряды, желаніе сохранить духъ медвѣдя, служить слѣдующее обстоятельство: въ тѣхъ случаяхъ, когда медвѣдь оказывается врагомъ населенія, вогулъ мститъ звѣрю, убиваетъ его и не только не оказываетъ ему зна-

¹⁾ Patkanow; Die Irtysch-Ostjaken, стр. 130. Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя, стр. 75.

²⁾ Русскіе Лопари, стр. 201.

ковъ уваженія, но даже старается окончательно уничтожить его, т. е. вмѣстѣ съ тѣломъ убить его духъ. „Если при охотѣ медвѣдь задержитъ когонибудь изъ охотниковъ, то брать или вообще близкій родственникъ убитаго долженъ обязательно найти этого медвѣдя и или убить его или погибнуть“ ¹⁾).

Остязъ и вогулъ переносятъ такимъ образомъ институтъ кровной мести на звѣря. Если родственнику удастся отомстить виновному медвѣдю, „тѣло медвѣди вмѣстѣ со шкурой и костями сжигаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ зарѣзалъ человѣка, и послѣ этого такой охотникъ можетъ, въ случаѣ еще удачной охоты, уже не соблюдать никакихъ обрядовъ и даже можетъ разрубить кости медвѣдя“. Въ обычаяхъ примѣнять кровавую месть въ отношеніи къ животнымъ остязки и вогулы не стоятъ изолированно: совершенно аналогичное отношеніе встрѣчается, напр., у населенія Мадагаскара, которое никогда не убиваетъ крокодиловъ, за исключеніемъ когда кто-нибудь изъ жителей будетъ умерщвленъ крокодиломъ; въ этихъ случаяхъ къ послѣднимъ примѣняется *lex talionis*, какъ и у нашихъ инородцевъ къ медвѣдю. Населеніе, живущее около оз. Итази на Мадагаскарѣ, ежегодно даже обращается къ крокодиламъ съ заявленіемъ, что оно будетъ убивать столько крокодиловъ, сколько эти погубятъ людей; при этомъ предупреждаютъ расположенныхъ благопріятно къ людямъ крокодиловъ, чтобы они держались въ сторонѣ, такъ какъ люди находятся въ ссорѣ не съ ними, а лишь съ тѣми, которые причиняютъ вредъ комунибудь изъ ихъ близкихъ ²⁾).

Въ заговорѣ при отпускѣ скота, помѣщенномъ въ Калевалѣ, особенное вниманіе обращается на медвѣдя: съ нимъ заключается договоръ.

„Отсо (широколобый, эпитетъ медвѣдя), яблочко лѣсное,

Ты медовую гнешь лапу!

Мы съ тобою сговоримся,

Заклучимъ мы миръ съ тобою

На все время нашей жизни,

На тѣ дни, что проживемъ мы.

¹⁾ Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя, стр. 78.

²⁾ Frazer: The golden Bough. II, стр. 109-110; ср. Леббокъ: Начало цивилизаціи, стр. 193.

Медвѣдь не долженъ нападать на скотъ лѣтомъ; онъ долженъ держаться въ сторонѣ отъ стада. Медвѣдю предлагается, если онъ захочетъ битвы съ человѣкомъ, отложить послѣднюю до зимы. Его предупреждаютъ, что если онъ не исполнитъ уговора, на него нападутъ и убьютъ ¹⁾.

Сжигая кости виновнаго въ смерти человѣка медвѣдя, инородецъ уничтожаетъ послѣдняго окончательно: онъ умерщвляетъ его духъ. И въ этомъ отношеніи мы видимъ у остяковъ и вогуловъ лишь примѣненіе широко распространеннаго возрѣнія у многихъ некультурныхъ народовъ, что душа не является бессмертной: она можетъ быть убита, если окончательно уничтожить тѣло.

Мысль дикаря настолько связываетъ духъ съ тѣломъ, что заставляетъ придумывать рядъ средствъ, между прочимъ и для того, чтобы оградить живущихъ отъ посѣщенія ихъ душами умершихъ. Утаптываніе могильной земли, положеніе камней на могилу, связыванье, иногда изувѣчиванье покойника и т. п. ²⁾ многочисленные приемы, въ столь большомъ количествѣ отмѣченные у некультурныхъ народовъ въ разныхъ частяхъ земного шара, наглядно свидѣтельствуютъ, что нерѣдко культа мертвыхъ предшествовала эпоха, когда дикарь спѣшилъ въ отношеніи къ умершему принять рядъ мѣръ, чтобы помѣшать его духу покидать могилу и тревожить живыхъ. Къ числу такихъ жѣръ относятся, какъ извѣстно, и бросаніе покойника на сѣденіе звѣрямъ, сожженіе и т. п. въ ихъ первоначальномъ значеніи, когда развитіе этическихъ и религиозныхъ началъ еще не вынудило дикаря приискать благочестивые мотивы для объясненія этихъ и другихъ подобныхъ похоронныхъ обрядовъ. Негритянки въ Матамбѣ бросали группы своихъ мужей въ море, чтобы утопить вмѣстѣ съ тѣлами и души покойниковъ. Населеніе Чили сжигало своихъ шамановъ-колдуновъ со всѣмъ

¹⁾ Если-жъ ты сюда вернешься,
Подойдешь ты жъ этимъ рощамъ,
На тебя мы устремимся.
Много женщинъ есть искусныхъ,
Да при домѣ есть хозяйка,
Что тебѣ пути испортить,
Дастъ несчастье на дорогѣ,
Чтобы ты вреда не дѣлалъ,
Не принесъ стадамъ погибель"...

(Калевала, р. 32. Пер. Бѣльскаго, стр. 413—416).

²⁾ Spencer: *Principes*, II, стр. 217, Robinson: *Psychologie*, стр. 44, 95.

ихъ имуществомъ, чтобы не оставалось ничего послѣ покойника, что могло бы принести несчастье и т. д. ¹⁾). Приемы уничтоженія душъ покойниковъ, которые по смерти внушаютъ страхъ, сохраняются черезъ тысячелѣтіе культуры въ обычаяхъ хотя бы сожигать колдуновъ: нѣтъ ничего удивительнаго, что мстящій за смерть родственника остякъ не ограничивается убійствомъ медвѣдя, но, опасаясь преслѣдованія со стороны его духа, стремится, хотя бы и бессознательно, уничтожить послѣдняго, прибѣгая для этого къ старому, сохранившемуся отъ далекой старины, приему уничтожать огнемъ тѣло, чтобы этимъ уничтожить и духъ могущаго быть враждебнымъ по смерти существа.

Инородцы западной Сибири такимъ образомъ знаютъ средство оградить себя отъ мести со стороны духа убитаго медвѣдя: они примѣняютъ его всякій разъ, когда желаютъ отомстить звѣрю за смерть близкаго. Если они не пользуются этимъ же средствомъ въ отношеніи къ другимъ убиваемымъ имъ медвѣдямъ, если они предпочитаютъ умиловивлять духъ медвѣдя жертвоприношеніями и дорого стоящими празднествами, обезпечиваютъ имъ возможность спокойнаго существованія въ качествѣ духа, то происходитъ это оттого, что они дорожатъ медвѣдемъ и не желаютъ его окончательнаго уничтоженія. Такъ какъ утилитарныя соображенія, заставляющія дикарей прибѣгать къ аналогичнымъ приемамъ въ отношеніи къ представителямъ фауны, охота на которыхъ играетъ видную роль въ экономическомъ бытѣ населенія, не имѣютъ мѣста въ отношеніи охоты на медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, остается признать, что медвѣдь являлся въ первобытныхъ представленіяхъ не опаснымъ животнымъ, а скорѣе наоборотъ покровителемъ населенія, вслѣдствіе чего послѣднее и было озабочено, въ случаѣ необходимости убивать медвѣдя, чествовать его и гарантировать его духу, посредствомъ сохраненія его костей, спокойную жизнь въ загробномъ мірѣ. Приведенныя соображенія заставляютъ сомнѣваться, что источникомъ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ было чувство страха, внушаемое наиболее крупнымъ представителемъ мѣстной фауны: если-бъ это было такъ, мы могли бы объяснить еще обоготвореніе медвѣдя, нѣкоторыя черты культа, извиненія за совершенное убійство, но едва ли подыскали бы объясненіе, почему инородцы западной Сибири, имѣя въ рукахъ счн-

¹⁾ Robinson: Psychologie, стр. 43—44.

таемое ими дѣйствительнымъ средство избавиться отъ мести духа убитого звѣря, не только не пользуются имъ, но наоборотъ съ такою заботливостью сохраняютъ кости медвѣдя, позволяя его духу или воплотиться вновь или неповрежденнымъ прійти въ царство тѣней. Но если поклоненіе медвѣдю у вогуловъ и остяковъ видимому не имѣетъ своимъ источникомъ чувство страха, если оно слѣдовательно должно быть отнесено къ той категоріи проявленія зоолатріи, которая имѣетъ своимъ источникомъ тотемизмъ, вѣру, что почитаемое животное оказывается и покровителемъ группы, то спрашивается, можетъ ли подобное предположеніе найти себѣ подтвержденіе въ характерѣ представленій инородцевъ о медвѣдѣ, какъ сверхъестественномъ, божественномъ существѣ?

II.

Легенды, повѣствующихъ о медвѣдѣ, какъ сверхъестественномъ существѣ, собрано, сравнительно, значительное количество изъ устъ остяковъ и вогуловъ. Изъ этого цикла произведеній народнаго творчества для нашихъ цѣлей представляютъ особенный интересъ тѣ, въ которыхъ повѣствуется о происхожденіи медвѣдя и объ его отношеніи къ людямъ.

Разсказы о происхожденіи медвѣдя могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Къ одной относятся всѣ тѣ, въ которыхъ сообщается, что медвѣдь прежде жилъ на небѣ у бога и затѣмъ спустился на землю. Къ другой группѣ слѣдуетъ отнести тѣ легенды, въ которыхъ медвѣдь оказывается потомкомъ людей ²⁾. Легенды первой категоріи сводятся къ тому, что медвѣдь, или по собственному желанію или въ наказаніе за ослушаніе, былъ спущенъ съ неба главнымъ божествомъ, въ домѣ котораго онъ прежде жилъ. Спускался медвѣдя на землю, божество дасть ему наставленія, чѣмъ питаться, запрещая трогать запасъ пищи у людей. Медвѣдь не исполняетъ приказаній божества, и въ результатѣ начинастъ худѣть. Въ виду этого онъ или обращается къ божеству, которое даетъ ему вторично наставленія, или самъ сознаетъ свою ошибку и не выходитъ болѣе изъ повиновенія богу. Медвѣдю богъ разрѣшаетъ питаться всѣми дикими звѣрями, но изъ прирученныхъ людьми животныхъ онъ позволяетъ ему употреблять въ пищу только тѣхъ, которыя принадлежатъ дурнымъ людямъ. Послед-

²⁾ Н. Л. Гондатти, *Культъ медвѣдя*, стр. 78—79, Patkanow, *Die Irtysch-Ostjaken*, стр. 125—126.

нимъ онъ долженъ былъ вообще причинять всевозможный вредъ, и если они подойдутъ къ нему близко, то убивать ихъ; то же медвѣдь имѣетъ право дѣлать и въ отношеніи къ людямъ, которые насмѣхаются надъ нимъ. Спущенный съ неба медвѣдь, согласно легендамъ, впоследствии былъ убитъ богатыремъ Узынь-одыр-ныхъ, но божество позволило тѣни медвѣдя принять прежній видъ и навсегда остаться на землѣ: этого божественнаго медвѣдя и до настоящаго времени иногда можно видѣть на Уралѣ.

Волулы въ „медвѣжьихъ пѣсняхъ“ иногда называютъ медвѣдя *сыномъ* высшаго бога, низведеннаго по зависти съ неба на землю ¹⁾.

Цикль легендъ второй категоріи производитъ медвѣдей отъ людей. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ версіи, сообщаемыя г. Паткановымъ: медвѣдь оказывается потомкомъ богатырей, которые населяли землю въ прежнее время и по различнымъ обстоятельствамъ были вынуждены избѣжать людскаго общества, вслѣдствіе чего жили въ глухихъ лѣсахъ. Иногда происхожденіе медвѣдей объясняется легендой, что они плодъ брака дочерей богатырей съ лѣсными духами или наоборотъ. Такъ по одной версіи у дочери одного изъ богатырей лицо было покрыто густыми волосами. Когда она однажды собирала ягоды въ лѣсу, она встрѣтила лѣснаго духа въ образѣ молодого человѣка, отъ связи съ которымъ у ней родился сынъ; онъ отличался силой и дикостью, и остяцкая община, гдѣ они жили, изгнала ихъ изъ селенія. Сынъ выросъ и сдѣлался медвѣдемъ, мать превратилась въ большой камень. По другимъ версіямъ въ медвѣдя превратился проклятый матерью сынъ: онъ покинулъ свою мать, ушелъ въ лѣсъ, нашелъ себѣ подругу изъ богатырскихъ дочерей, превращенную въ медвѣдицу за избіеніе по злости всѣхъ своихъ братьевъ, и зажилъ съ нею, прижилъ дѣтей, такъ что теперь медвѣди считаются потомками этой четы. Превращенные въ медвѣдей люди также сдѣланы божествомъ хранителями истины и справедливости на землѣ.

По преданію васьюганскихъ остяковъ въ медвѣдя превращается богатырь: онъ заблудился въ лѣсу, отыскивая дорогу; онъ перелѣзаетъ, снявъ предварительно одежду, черезъ поросшую мхомъ колоду; результатомъ этого оказывается, что его тѣло покрывается

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ: О культѣ медвѣдя, стр. 110.

мхомъ, и богатырь превращается въ медвѣдя. Онъ перелѣзаетъ обратно, чтобы отыскать свою одежду, но послѣднюю унесъ дьяволъ; богатырь остается жить въ лѣсу ¹⁾).

Такимъ образомъ, какъ бы ни объясняли остяки и вогулы происхожденіе медвѣдей, послѣдніе въ большинствѣ случаевъ въ своемъ качествѣ представителей справедливости на землѣ, являются равно священными. Неудивительно поэтому, замѣчаетъ по этому поводу г. Гондатти, „что всякій, сознающій за собой грѣхъ, невольно дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; но тѣмъ не менѣе всякій стремится на охоту за нимъ, хотя и со страхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайной надеждой, что богъ пошлетъ ему такого медвѣдя, который погрѣшилъ чѣмъ-нибудь и котораго богъ рѣшилъ наказать и исполнителемъ этого наказанія изберетъ его — угоднаго себѣ человека“²⁾. Слѣдовательно, убить медвѣдя можно только праведному человеку и притомъ лишь согрѣшившаго, виновнаго медвѣдя. Очевидно, что въ этомъ объясненіи мы имѣемъ попытку примирить болѣе древнія представленія о медвѣдѣ, какъ священномъ звѣрѣ, котораго нельзя убивать, съ установившимся представленіемъ о высшемъ существѣ, которое позволяетъ охотнику заглушить укоры совѣсти за преступленіе, совершаемое убійствомъ медвѣдя. Оно должно на нашъ взглядъ считаться вѣскимъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что вѣкорда, когда остяки находились на болѣе низкой ступени религіознаго развитія, убивать медвѣдя вообще считалось грѣхомъ, что сближаетъ отношеніе къ нему съ отношеніемъ дикарей къ своимъ тотемамъ.

Во всякомъ случаѣ медвѣдь является въ глазахъ остяковъ животнымъ священнымъ самъ по себѣ. Медвѣдь научилъ остяковъ и вогуловъ искусству употребленія огня. По словамъ Кастрена, остякъ предполагаетъ, что медвѣдь вовсе не похожъ на остальныхъ звѣрей: шкура является только его одеждой, подъ которой онъ скрываетъ человеческій видъ; онъ обладаетъ божественной силой и мудростью ³⁾. Въ виду этого вполнѣ понятно, что его мясо, жиръ и т. д. имѣютъ цѣлебную силу—это часть его божественнаго тѣла.

¹⁾ Потанинъ: Очерки сѣв.-западной Монголіи, IV, стр. 754-755.

²⁾ Н. Л. Гондатти, I. с. стр. 79.

³⁾ Ср. Потанинъ: Оч. с.-з. Монголіи, IV, стр. 750 (енис.-остяки). Ratkows, I. с. стр. 125

Желчь медвѣдя, особенно бѣлаго, равно и медвѣжье сердце употребляютъ въ качествѣ лѣкарственныхъ средствъ.

„Сухую такую желчь употребляютъ отъ живота и отъ нечисти, также даютъ и больнымъ ребятамъ“ ¹⁾. Его зубы и когти носятъ въ качествѣ священныхъ предметовъ и пр.

Съ подобными чертами божественности выступаетъ медвѣдь почти всюду, гдѣ культъ его сохраняется еще съ большей жизненностью. Лопари ²⁾, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считали медвѣдя за „божью собаку“: онъ обладалъ большимъ умомъ, а силы у него столько, сколько у двѣнадцати мужчинъ; въ другихъ мѣстахъ лопари считали медвѣдя за самое умное и понятливое изъ всѣхъ животныхъ и т. п. Медвѣжий жиръ употреблялся въ качествѣ лѣкарствъ ³⁾.

У самоѣдовъ наиболѣе видный представитель медвѣдей, именно бѣлый, встрѣчающійся въ ихъ владѣніяхъ чаще, чѣмъ бурый медвѣдь, считается посланникомъ неба; ему приписываютъ заслугу ознакомленія людей съ полученіемъ и употребленіемъ огня. Самоѣды дѣйствительно убиваютъ и употребляютъ его въ пищу, но примиряются затѣмъ съ убитымъ, хотя коллективными празднествами и устраиваются у нихъ рѣже, чѣмъ у остяковъ и вогуловъ вслѣдствіе разбросанности населенія. Они запрещаютъ женщинамъ ѣсть голову медвѣдя. Окуриваніе медвѣжьимъ жиромъ — наиболѣе дѣйствительное средство оградить себя при охотѣ отъ неудачъ, происходящихъ вслѣдствіе дурного пожеланія врага или благодаря встрѣчѣ съ женщиной ⁴⁾.

Самоѣды рассказываютъ, что медвѣдь произошелъ отъ женщины, имѣвшей половину туловища звѣриную, половину — человеческую, съ лѣпшимъ (намтуръ) ⁵⁾.

Буряты полагаютъ, что медвѣдь прежде былъ человекомъ, но обращенъ впослѣдствіи въ звѣря за то, что хотѣлъ испугать бога. По однимъ версіямъ онъ былъ царемъ, по другимъ, очевидно болѣе древнимъ, онъ былъ прежде большимъ чернымъ шаманомъ.

¹⁾ П а л а с ь: Путешествіе, III, пол. 1-ая, стр. 67.

²⁾ Русскіе лопари, стр. 199, 203.

³⁾ Ср. въ Калевалѣ повѣствованіе Вейпемейнена о сверхъестественномъ рожденіи медвѣдя на небѣ, его отпущенъ на землю и даномъ ему завѣтъ. Калевала, пер. Вильскаго; рук. 32 и 46. стр. 414 и 545 - 548.

⁴⁾ А. Егман: Reise um die Erde. I. стр. 681; Н. Л. Гондатти, I. с. 75.

⁵⁾ Потанинъ: Оч. сѣв.-зап. Монголіи. IV. стр. 754.

или шаманкой; они превратились въ медвѣдей, желая испугать самого бурхана, за что послѣдній оставилъ ихъ навсегда медвѣдями. Вообще, по словамъ г. Хангалова, „души чернаго шамана или шаманки обращаются въ медвѣдей и въ такомъ видѣ существуютъ, куда имъ угодно, для исполненія своихъ намѣреній“ ¹⁾. Иногда въ медвѣдя, по преданіямъ бурятъ, превращается охотникъ: отправляясь на охоту, онъ обходилъ три раза дерево и превращался въ медвѣдя ²⁾.

По представленіямъ кумандинцевъ, Эрликъ имѣетъ медвѣжій видъ. Иногда алтайскіе тюрки приписываютъ происхожденіе медвѣдя превращенію человѣка, обиженнаго семьей. Далѣе „Кереметъ, въ поволжскихъ легендахъ принимаетъ образъ медвѣдя, когда хочетъ показаться людямъ“ ³⁾.

Покровителемъ шамановъ-медвѣдь считается и у якутовъ. Въ медвѣдей обращаются души шамановъ: самыми могущественными шаманами считаются тѣ, которые имѣютъ своимъ звѣринымъ воплощеніемъ быка-порося, жеребца, орла, лося или чернаго медвѣдя. Цикль разсказовъ и легендъ, повѣствующихъ о сверхъестественныхъ качествахъ медвѣдя, чрезвычайно обширенъ у якутовъ; черный медвѣдь считается „царемъ рощъ и лѣсовъ“. О немъ нельзя дурно говорить. Онъ умёнъ, какъ человѣкъ, даже умнѣ послѣдняго; „онъ все можетъ, все знаетъ и понимаетъ, и если не говоритъ, то только потому, что не хочетъ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ медвѣдя прямо считаютъ колдуномъ. „Медвѣдь вовсе не звѣрь, а колдунъ; ты бы посмотрѣлъ на медвѣдя, когда съ него снимутъ кожу: женщина, какъ есть женщина, грудь, ноги—все женское“, говорили на Алданѣ г. Сѣрошевскому. Существуютъ преданія о превращеніи людей въ медвѣдей. Празднества въ честь убитаго медвѣдя въ настоящее время, кажется, не устраиваются, но слѣды ихъ сохраняются въ обычаяхъ при охотѣ на медвѣдя. Наконецъ человѣкъ убившій, медвѣдя, получаетъ даръ лѣчить нѣкоторыя болѣзни ⁴⁾.

¹⁾ М. Хангаловъ: Души-людоѣды у бурятъ, въ Этнogr. Обзор. 1896, № 1, стр. 137; см. также Бурятскія сказки въ Зап. Восточн.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по Эт. I, 1, стр. 119.

²⁾ Н. М. Ядрищевъ: О культѣ медвѣдя, стр. 110.

³⁾ Ibid. стр. 110, 111; В е р б и ц к і й: Алтайскіе инородцы. стр. 137.

⁴⁾ В. Л. Сѣрошевскій: Якуты, I, стр. 626, 638, 658—660.

Въ представленіяхъ многочисленныхъ инородцевъ медвѣдь является такимъ образомъ сверхъестественнымъ существомъ, какъ и у вогуловъ и остяковъ. Такъ какъ культъ его не позволяетъ предполагать, что поклоненіе медвѣдю возникло изъ зоолатріи, основанной на страхѣ дикаря передъ крупнымъ звѣремъ, борьба съ которымъ является опасной, то намъ предстоитъ разсмотрѣть основныя черты представленій о медвѣдѣ, какъ о существѣ божественномъ, и выдѣлить изъ нихъ черты, сближающія эти вѣрованія съ тотемическими. Что современныя представленія не носятъ непосредственно тотемическаго характера—вполнѣ естественно, такъ какъ тотемизмъ, какъ элементъ вѣрованій, прикрытъ другими, болѣе развитыми религіозными взглядами. Между тѣмъ мнѣніе, что вѣра въ медвѣдя, какъ въ существо сверхъестественное, возникла благодаря развитію тотемическихъ элементовъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ.

Въ системѣ тотемическихъ вѣрованій некультурныхъ народностей чрезвычайно характерны мѣфы, легенды и преданія, повѣствующія о дѣятельности того или иного тотемическаго животного. Обыкновенно тотемическая группа считаетъ себя происходящей отъ одного общаго родоначальника съ тотемомъ, часто признаетъ послѣдняго своимъ предкомъ. Тотему приписывается благотѣльное вліяніе на жизнь группы; онъ нерѣдко участвуетъ въ сотвореніи міра, является героемъ-цивилизаторомъ и пр. Къ имени тотема прикрѣпляются рассказы, рисующіе его вообще благотѣльнымъ для группы существомъ.

Въ настоящее время ни остяки, ни вогулы не признаютъ, насколько можно судить по собраннымъ легендамъ о медвѣдѣ, родственныхъ узъ съ послѣднимъ. Но что нѣкогда, вѣроятно, такое родство между медвѣдемъ и какимъ-нибудь родомъ существовало, доказывается преданіемъ о происхожденіи медвѣдей отъ богатырскаго поколѣнія, населявшаго прежде землю. Эти богатыри были предшественниками людей. Они были спущены съ неба послѣ потопа. О нихъ сохранилась масса преданій: они расселились частью отдѣльными семьями, частью цѣлыми деревнями; дома устраивали изъ камня и изъ земли; богатыри отличались чрезвычайной силой; побѣжденныхъ враговъ своихъ они скальпировали, предавались антропофагін, съѣдая сердце и печень убитаго и т. п. Въ преданіяхъ о богатыряхъ сохранилось много чертъ древняго быта ин-

родцевъ. Богатыри оказываются родоначальниками вогуловъ: и до настоящаго времени всѣ вогулы ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ богатырей; мало того, даже „многіе изъ родовыхъ и семейныхъ боговъ—ничто иное, какъ именно эти богатыри, признаваемые почему либо покровителями“¹⁾.

Эти преданія о богатыряхъ проливаютъ свѣтъ на легенду о происхожденіи медвѣдя отъ смѣшаннаго брака дочери (или сына) богатыря съ лѣснымъ духомъ (или дочерью послѣдняго). Они устанавливають связь, существующую между обществомъ людей и медвѣдями. Едва ли возможно сомнѣваться, что при родовомъ характерѣ, которымъ проникнуты легенды о богатыряхъ, преданіе о происхожденіи медвѣдей отъ дочери или сына богатыря имѣло въ прежнее время также родовой характеръ и лишь впоследствии сдѣлалось достояніемъ всего племени: извѣстный родъ, создавшій легенду о происхожденіи медвѣди, долженъ былъ признавать существованіе родственныхъ узъ между своими членами и медвѣдями. Такимъ образомъ медвѣдь оказывался родственникомъ, а слѣдовательно и тотемомъ опредѣленной группы инородцевъ, такъ какъ узы родства между извѣстнымъ видомъ животныхъ и группой людей оказывается одной изъ основныхъ чертъ тотемизма. Если въ развитіи послѣдняго предетавленіе, что извѣстный видъ предметовъ, одушевленныхъ или неодушевленныхъ, оказывается тотемами группы людей, предшествуетъ появленію вѣрованія о родственной связи между людьми и ихъ тотемомъ, то, наоборотъ, признаки этихъ родственныхъ узъ заставляютъ поддерживать въ жизни вѣру, что данный видъ предметовъ является духами-покровителями группы, болѣею частью рода.

Тотемическому характеру группы легендъ, повѣствующихъ о происхожденіи медвѣдя отъ людей, нисколько не противорѣчитъ введеніе въ нихъ сверхъестественнаго элемента: проклятіе матери, благодаря чему сынъ превращается въ медвѣдя или бракъ чело-вѣка съ лѣснымъ духомъ. Эти элементы неизбежно должны были явиться по мѣрѣ уладка тотемическихъ представлений. Разъ ми-оологія народа составляетъ его, такъ сказать, научную энциклопедію, отвѣты на вопросы, которые задаетъ себѣ дикарь о причинахъ окружающихъ его явленій, собственной жизни и вѣрова-

¹⁾ Н. Л. Гопдатти: Слѣды языческихъ вѣрованій у маньчжовъ, стр. 64.

ний и которые онъ рѣшаетъ сообразно съ уровнемъ своихъ знаній и развитія—онъ долженъ былъ при упадкѣ тотемическихъ вѣрованій поставить себѣ вопросы, какимъ путемъ могъ человѣкъ оказаться въ родствѣ съ медвѣдемъ, какъ могъ появиться медвѣдь, не смотря на свое человѣческое происхожденіе, почему онъ живетъ въ лѣсу и т. д. На всѣ эти и подобные вопросы некультурный умъ легко находить себѣ отвѣтъ, вводя элементъ чудеснаго для объясненія сдѣлавшагося для него непонятнымъ своего родства съ медвѣдемъ, равно и культа, который онъ оказываетъ послѣднему: бракъ съ лѣснымъ духомъ объясняетъ и звѣриный видъ медвѣдя, для котораго шкура служитъ лишь внѣшней оболочкой, и фактъ, что медвѣдь живетъ въ лѣсу. Значеніе, придаваемое вообще родительскому проклятію, придетъ на помощь некультурному человѣку, чтобы объяснить, какимъ образомъ человѣкъ могъ оказаться въ родствѣ съ животнымъ: онъ заставилъ, благодаря проклятію, обратиться одного изъ сородичей въ почитаемаго звѣря. Всѣ эти приемы лишь облегчаютъ дикарю объяснить древніе взгляды и формы культа: не рѣшался видоизмѣнить послѣднія, онъ даетъ имъ новое объясненіе, удовлетворяющее его любознательности въ каждый данный моментъ его культурнаго развитія.

Вѣра, что тотемъ оказывается одновременно и героемъ-цивилизаторомъ, чрезвычайно распространена у некультурныхъ племенъ разныхъ материковъ. Если нельзя, конечно, всѣхъ героев-цивилизаторовъ сводить непременно къ тотемической основѣ, то тамъ, гдѣ героемъ-цивилизаторомъ оказывается животное, можно видѣть несомнѣнное доказательство тотемизма. Тотемъ—духъ покровитель группы; отъ него люди ожидаютъ только добра и пользы себѣ. Поэтому, когда некультурный умъ поднимаетъ вопросы, откуда онъ получилъ то или иное полезное изобрѣтеніе, онъ отвѣчаетъ на это, что его научилъ тотемъ. Дикарь вообще охотно группируетъ мифы о происхожденіи полезныхъ изобрѣтеній, о сотвореніи земли, появленіи свѣтила и пр. вокругъ именъ своихъ родоначальниковъ, которые въ этомъ качествѣ естественно являются благотѣльными для своихъ потомковъ существами. Новозеландскій Мауп, самоанскіе Таланги и Ти-ити-и, бакаирскій Кери и Каме ¹⁾ являются одновременно и устроителями міра и лицами,

¹⁾ Waitz: *Anthropologie* VI, 257; Turner: *Samoa*, стр. 209 и слѣд.; Steinen. *Unter d. Naturvölkern Brasiliens*, стр. 373, 377.

научившими своих потомков искусству употребления огня, похитивъ послѣдній у хранившихъ его сверхъестественныхъ существъ. Впрочемъ, тотемическая основа въ Кери и Каме выясняется изъ легенды, что мать ихъ была женой ягуара. Въ случаяхъ, когда въ этой роли героевъ-цивилизаторовъ выступаютъ животные, слѣдуетъ предположить, что послѣдніа признавались за духовъ-покровителей—тотемовъ группы, для пользы которой они предпринимаютъ рядъ трудныхъ подвиговъ, въ томъ числѣ, перѣдко, добываютъ и огонь для людей; другое объясненіе появленія подобныхъ разсказовъ объ этихъ зооморфныхъ герояхъ едва ли можетъ быть подыскано. Тамъ, гдѣ еще живы тотемическія представленія, тотемическій характеръ этихъ и аналогичныхъ сказаній не подлежитъ никакому сомнѣнію. Роль, которую играетъ волкъ въ качествѣ тотема у многихъ изъ краснокожихъ племенъ Сѣв. Америки, съ легкостью объясняетъ, что именно ему приписывается честь добычи огня на пользу людямъ. У тлинкитовъ священный воронъ—Ель, участвующій въ устройствѣ міра и похищающій огонь,¹⁾ оказывается не болѣе, какъ тотемомъ этой народности. Циклъ легендъ, разсказывающихъ о подвигахъ Еля, сводится къ значительной степени къ борьбѣ его съ болѣе старымъ и сильнымъ Ханухомъ (волкомъ). Ель—воронъ былъ покровителемъ, тотемомъ племени ворона, какъ Ханухъ—волкъ—тотемомъ племени волка. Птица и собака коняговъ, устраивающія землю, творящія море, рѣки и возвышенности, собака алеутовъ, участвующая въ устройствѣ земли, прерійный волкъ одного изъ племенъ Калифорніи, дающій начало всѣмъ животнымъ и людямъ, создающій землю,—считаются одновременно и предками народности и, слѣдовательно, были его тотемами²⁾.

Медвѣдь, приносящій, по вѣрованіямъ остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ огонь для людей или обучающій ихъ искусству обходиться съ огнемъ, принадлежитъ къ числу такихъ-же зооморфныхъ героевъ-цивилизаторовъ, какими оказываются тотемы-животныя у другихъ народностей. Въ этихъ преданіяхъ о медвѣдѣ слѣдуетъ видѣть лишь отголосокъ, быть можетъ, прежде болѣе

1) И. Вепіаміновъ: Зап. объ о-вахъ Уналашкинскаго отдѣла, III, стр. 48.

2) Lang: *Mythes cultes et religion*, стр. 171, 175, 376, 370.

обширнаго цикла тотемическихъ легендъ, группировавшагося вокругъ медвѣдя, частью забытыхъ, частью, какъ преданіе о принесеніи людямъ огня, слѣзавшихся изъ родового преданія общеплеменнымъ.

Разсказы, сообщающіе о прежней жизни медвѣдя на небѣ, о существованіи на Уралѣ до настоящаго времени перваго медвѣдя, спущеннаго на землю божествомъ, назначеніе послѣднимъ медвѣдя представителемъ добра и справедливости на землѣ, являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тотемическихъ представленій. Эти преданія о медвѣдѣ не только не противорѣчатъ выставляемому нами предположенію о первоначальномъ тотемическомъ значеніи медвѣдя, скорѣе, напротивъ, служатъ лишнимъ косвеннымъ доказательствомъ въ пользу его, такъ какъ представленія о медвѣдѣ въ данномъ случаѣ испытали на себѣ тѣ-же перемѣны, которыя выпадаютъ на долю тотемическимъ животнымъ при религіозномъ развитіи племени и забвеніи первоначальнаго тотемизма. Съ увеличеніемъ населенія группы, съ упадкомъ обособленности отдѣльныхъ тотемическихъ родовыхъ единицъ, прежняя организація, основанная на тотемизмѣ, естественно распадается: часть тотемовъ забывается, часть переходитъ въ божества, мало-по-малу сбрасывающія съ себя теріоморфическія черты, чтобы объединиться въ разнѣжныхъ іерархическихъ отношеніяхъ въ общій пантеонъ съ антропоморфными божествами, возникшими изъ другихъ, чѣмъ тотемизмъ, основныхъ элементовъ вѣрованій. Нерѣдко остальные подраздѣленія племени объединяются культомъ духа-покровителя, бывшаго тотемомъ болѣе сильнаго или многочисленнаго рода; наконецъ, въ то время, какъ тотемы, избранные изъ числа незначительныхъ представителей фауны или флоры, или переходятъ въ божества или забываются, тотемъ—крупный представитель мѣстной фауны продолжаетъ обращать на себя особое вниманіе и, слѣдовательно, пользоваться ея поклоненіемъ. Религіозныя ассоціаціи, встрѣчающіяся у нѣкоторыхъ дикарей ¹⁾ и объединяющія не родственниковъ культомъ одного духа-покровителя, могли сыграть роль фактора, способствующаго переходу тотема въ національное божество. Какъ бы то ни было, но съ развитіемъ религіозныхъ представленій, идущихъ параллельно съ развитіемъ племени, исключитель-

¹⁾ Frazer, Totemism, стр. 49—51.

ность культа, мифовъ и вѣрованій, вытекающихъ изъ родовой организаціи, падаетъ сама собой, и родовая, племенная религія или культъ дѣлаются локальными или національными. Бывшій тотемъ или вырастаетъ въ высшее существо, представителя высшей идеи справедливости, насколько эта послѣдняя доступна некультурному уму, или занимаетъ извѣстное подчиненное мѣсто въ общей іерархіи боговъ. Ель у тлинкитовъ превратился въ высшее существо, хотя и не главное въ ихъ пантеонѣ: прежде господствовавшее вѣрованіе о родственныхъ узакъ, соединяющихъ всѣхъ членовъ рода ворона со всѣми вѣронами, постепенно превратилось въ представленіе, что надъ всѣми вѣронами поднимается главный вѣронъ, божественное существо, родоначальникъ, не вполне освободившійся еще отъ своихъ ориноморфныхъ атрибутовъ. Въ Африкѣ, среди населенія Золотого берега, сравнительно еще живы тотемическія представленія: отдѣльныя родовыя группы признаютъ своимъ родоначальникомъ то или иное животное, напр. буйвола, собаку, леопарда, попугая или растеніе, и воздерживаются отъ употребленія въ пищу своего тотема-родоначальника. Одновременно съ существованіемъ тотемизма нѣкоторые тотемы, однако, уже превратились въ божества, пользующіяся поклоненіемъ въ качествѣ локальных территоріальныхъ боговъ; они сохраняютъ, однако, еще ясные слѣды своего происхожденія отъ животныхъ-тотемовъ. Въ народномъ представленіи они утратили уже свой теріоморфный характеръ, но ихъ продолжаютъ представлять, хотя въ человѣческомъ образѣ, но съ нѣкоторыми атрибутами животныхъ; такъ, напр., Таби, одинъ изъ морскихъ боговъ, представляется въ видѣ человѣка, лѣвая рука котораго, однако, замѣнена плавникомъ акулы; морская богиня Аинфва имѣетъ человѣческій видъ, но покрыта подобно козѣ бѣлой шерстью ¹⁾. Происхожденіе подобныхъ не вполне антропоморфизированныхъ территоріальныхъ божествъ, культъ которыхъ не переходитъ за предѣлы определенной территоріи, изъ родовыхъ тотемовъ животныхъ можетъ считаться въ настоящее время доказаннымъ: наиболѣе рельефные примѣры подобнаго перехода тотемовъ въ территоріальныя, полу-зооморфныя, полу-антропоморфныя божества представляютъ, какъ извѣстно, локальные культы древняго Египта.

1) Ellis: The Tshi-speaking peoples, стр. 44, 48, 204 и слѣд.

Переходъ прежнихъ тотемическихъ божествъ въ національныя, племенные божества можно съ наглядностью наблюдать среди народностей Африки, образовавшихъ государственныя организаціи на Невольничьемъ берегу. Тотемизмъ еще существуетъ среди населенія какъ явленіе жизненное: мы тамъ встрѣчаемъ также рода, производящіе себя отъ животныхъ (леопарда, льва, змѣи, крокодила и пр.) и соблюдающіе тотемическіе обряды. Но въ то же время населеніе всего племени объединяется поклоненіемъ опредѣленнымъ племеннымъ божествамъ, при чемъ тотемическое происхожденіе нѣкоторыхъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сами эти божества пользуются поклоненіемъ въ лицѣ животныхъ, которыя считаются ихъ инкарнаціей. Къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, извѣстный культъ змѣи въ Дагомеѣ, сдѣлавшійся изъ тотемическаго божества національнымъ, равно и бывший въ королевствѣ Вида культъ крокодила. Этотъ послѣдній во времена самостоятельнаго существованія королевства пользовался особымъ поклоненіемъ: его можно назвать государственнымъ божествомъ. У королевскаго дворца находились двѣ лужи, въ которыхъ содержались крокодилы; для служенія имъ были назначены многочисленные жрецы. Съ паденіемъ королевства крокодилъ изъ государственнаго божества перешелъ въ разрядъ второстепенныхъ: ему оказываютъ культъ лишь члены тотемическаго рода крокодила и лица, которыя живутъ у лагунъ¹⁾. Главное божество бушменовъ, Кагъ, къ которому они обращаются съ молитвами во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни, обнаруживаетъ свое прежнее, очевидно тотемическое происхожденіе изъ саранчи, надѣленной, какъ и всѣ тотемы дикарей, сверхъестественными способностями. Австралійскій Пунджель (орелъ-соколъ) выросъ въ высшее существо представителя справедливости, но еще не всюду утратилъ своей орнитоморфной природы; происхожденіе его изъ тотема доказывывается, между прочимъ, и тѣмъ, что орелъ-соколъ и до настоящаго времени оказывается виднымъ кобангомъ (тотемомъ) во многихъ мѣстахъ Австраліи. Заяцъ у альгонкиновъ выросъ, повидимому, въ высшее существо изъ простаго тотема: онъ принималъ участіе въ сотвореніи міра, онъ живетъ на восходѣ солнца, къ нему переходятъ души умершихъ краснокожихъ. Культъ Великаго зайца очень рас-

¹⁾ A. B. Ellis. The'does' Ewe-speaking peopl 54, 71, 100.

пространствъ, и родъ, имѣвшій его въ качествѣ своего тотема, окружался особымъ почетомъ ¹⁾).

Переходъ тотема въ высшее божество, государственное или національное, можно наблюдать и въ древней Перуанской монархiи. Послѣ того какъ Куновымъ была доказана родовая организація, лежавшая въ основѣ государственнаго строя древняго Перу, свѣдѣнія, сообщаемыя Гарцилассо де-ла-Вега о нѣкоторыхъ вѣрованіяхъ прежняго населенія, представляются въ новомъ освѣщеніи. Гарцилассо отмѣчаетъ, что каждый индѣецъ только тогда пользовался уваженіемъ, когда онъ *происходилъ* отъ рѣки, медвѣдя, орла, кондора и т. д., что нѣкоторые обоготворяли сардинку, акулу, краббѣ, летучую мышъ и пр. Мы въ правѣ, зная родовой характеръ устройства Перуанскаго государства, видѣть въ этихъ свѣдѣніяхъ живыя свидѣтельства тотемизма, не уничтоженнаго, какъ это удостовѣрено другими испанскими писателями, и послѣ покоренія Перу. Такимъ же тотемомъ для рода инковъ, покорившихъ остальные рода и племена, являлось солнце, потомками котораго признавали себя инки. Тотемъ племени покорителей сдѣлался государственнымъ божествомъ, и культъ солнца, какъ главнаго божества, настолько отодвинулъ на второй планъ культъ остальныхъ боговъ другихъ родовыхъ и племенныхъ группъ, вошедшихъ въ составъ Перуанской монархiи, что послѣднюю называли именно благодаря господству этого культа „страной солнца“, земнымъ представителемъ котораго признавался инка ²⁾).

Не умножая примѣровъ подобнаго перехода родовыхъ тотемовъ въ племенные, локальные или національные божества, мы ограничимся замѣчаніемъ, что при развитіи тотема въ божество, послѣднее уже въ зависимости отъ ряда условій можетъ сдѣлаться или главнымъ божествомъ племенной группы, или оказаться въ известной степени зависимости отъ другихъ вышнихъ божествъ. Медвѣдь у остяковъ и вогуловъ испыталъ послѣднее, совершенно такъ же, какъ это произошло съ Елемъ тлинкитовъ и многими богами древне-египетскаго пантеона, собакой коняговъ и пр.

1) Lang: *Mythes, cultes et religion*, стр. 320—322, 331, 372, 374.

2) Н. Суннов: *Die soziale Verfassung d. Inkareichs*, стр. 41, 94 и др.; Lang, *Mythes etc.*, стр. 71, 191.

Нѣкоторая двойственность въ вѣрованіяхъ въ медвѣдя, замѣчаемая у сѣверо-западныхъ сибирскихъ инородцевъ, именно признаніе, что одновременно съ священнымъ значеніемъ всѣхъ медвѣдей надъ ними поднимается главный медвѣдь, тотъ самый, который былъ спущенъ богомъ на землю и который живетъ и показывается иногда на Уралѣ, только подтверждаетъ лишній разъ предположеніе о тотемическомъ происхожденіи культа медвѣдя. Едва ли есть основаніе предполагать, что мифъ о спусканіи медвѣдя на землю подалъ поводъ къ представленію, что на Уралѣ живетъ божественный медвѣдь; скорѣе наоборотъ — вѣрованіе въ существованіе божественнаго медвѣдя въ Уральскихъ горахъ привело къ созданію мифа, что главный медвѣдь, убитый богатыремъ, не возвратился на небо, какъ это дѣлаютъ по современнымъ вѣрованіямъ инородцевъ духи остальныхъ убитыхъ людьми медвѣдей ¹⁾.

При тотемизмѣ, какъ извѣстно, поклоненіемъ пользуется весь классъ существъ, признаваемыхъ духами-покровителями. Съ развитіемъ народности, по мѣрѣ сложенія ея въ рѣзко обособленныя группы, пекультурному уму дикаря, переносящему людскія отношенія на міръ своихъ боговъ, этотъ послѣдній представляется устроеннымъ на тѣхъ же началахъ, какъ и людскія обществія: надъ всѣми животными, признаваемыми тотемами, поднимается главный тотемъ, какъ старѣйшина, вождь поднимается надъ людскою группою; онъ становится олицетвореніемъ всѣхъ тотемическихъ животныхъ извѣстнаго класса, отличается особою силой, близостью къ богамъ, т. е. обладаетъ тѣми же качествами, какими обыкновенно обладаетъ и вождь въ обществіяхъ дикарей, часто являющійся и шаманомъ-колдуномъ. Этотъ главный тотемъ такимъ образомъ вырастаетъ въ главное видовое божество, или управляющее остальными тотемическими животными даннаго вида, или одухотворяющее остальныхъ тотемовъ. Такимъ божественнымъ ворономъ является Ель тлипкитовъ, выдѣленный изъ группы остальныхъ тотемовъ-вороновъ. Приводимое Тэйлоромъ ²⁾ вѣрованіе у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ краснокожихъ, что „всѣ животныя каждаго вида имѣютъ старшаго брата, который служитъ какъ бы началомъ и корнемъ всѣхъ другихъ особей“

¹⁾ Patkanow: Die Irtysch-Ostjaken., стр. 131.

²⁾ Тэйлоръ, Первобытная культура, II, стр. 288.

очевидно, происходит благодаря тому же процессу постепенного выдѣленія изъ группы тотемовъ главнаго представителя послѣднихъ. Упомянутое выше вѣрованіе остяковъ и вогуловъ должно быть, на нашъ взглядъ, отнесено къ этой же категоріи религіозныхъ представленій.

Вѣрованіе бурятъ и якутовъ, что шаманы имѣютъ медвѣдя въ числѣ своихъ духовъ-покровителей, образъ которыхъ они могутъ принимать,—служить доказательствомъ, что и у этихъ народностей культъ медвѣдя стоитъ въ связи съ тотемизмомъ. Шаманъ, по представленіямъ нецивилизованныхъ расъ, обладаетъ обыкновенно способностью къ превращеніямъ именно въ своего личнаго или родового тотема. Съ упадекомъ тотемизма среди народности, онъ сохраняется обыкновенно въ представленіяхъ о дѣятельности шамановъ. Личные духи-покровители шамановъ якутовъ, о которыхъ сообщены обстоятельныя свѣдѣнія г. Сѣрошевскимъ ¹⁾, доказываютъ наглядно, что мы имѣемъ дѣло съ сохранившимся представленіемъ о личныхъ тотемахъ, основа которыхъ однако, можетъ-быть, таится въ родовомъ тотемическомъ устройствѣ: это подтверждается между прочимъ встрѣченнымъ повѣрьемъ, что хотя шаманскій даръ и не наследственный, однако „въ роду, гдѣ разъ объявился шаманъ, онъ уже не переведется; его ймѣгягъ (духъ-покровитель) послѣ смерти послѣдняго старается преимущественно поселиться въ кого-либо, принадлежащаго къ агауса (отцовскому роду) покойника“. Въ противоположность якутамъ, у которыхъ шаманы превращаются въ различныхъ животныхъ, смотря по тому, какой видъ животнаго имѣетъ ихъ духъ-покровитель,—бурятскіе шаманы имѣютъ всѣ способности превращаться въ медвѣдя: это вѣрованіе слѣдуетъ очевидно считать остаткомъ болѣе древнихъ представленій, измѣненныхъ въ томъ отношеніи, что на наиболѣе сильнаго и могущественнаго тотема была перенесена въ послѣдствіи привилегія спеціальнаго покровительства шаманамъ, и утратой другими представителями мѣстной фауны ихъ прежняго, древняго, священнаго значенія.

Предположеніе, что медвѣдь нѣкогда считался тотемомъ той или иной родственной группы и въ послѣдствіи перешелъ въ обоготворяемое всѣми представителями племени существо, что культъ

¹⁾ Сѣрошевскій. Якуты, стр. 625 и слѣд.

медвѣдя въ своемъ первоисточникѣ происходитъ изъ тотемизма, можетъ быть признано только подъ условіемъ существованія нѣкогда вообще тотемизма среди остяковъ и вогуловъ, равно и другихъ инородцевъ Россіи. Исслѣдователи однако мало обращали вниманія на остатки этой группы религіозныхъ представленій, вслѣдствіе чего свѣдѣнія, доказывающія существованіе тотемизма въ прежнее время у русскихъ инородцевъ, крайне ограничены. Несмотря на это, ихъ все же достаточно, чтобы подтвердить положеніе, что и русскіе инородцы, какъ и большинство народностей, не миновали въ своемъ религіозномъ развитіи и тотемизма. Характерными признаками бывшихъ нѣкогда тотемическихъ представленій должны считаться: 1) разказы, повѣствующіе о происхожденіи племени или рода отъ животнаго или растенія, и 2) запрещеніе употреблять въ пищу животное, отъ котораго группа производитъ себя. И тотъ и другой признакъ мы встрѣтимъ среди инородцевъ Россіи.

У тюрковъ и монголовъ распространено вѣрованіе о происхожденіи обоихъ племенъ отъ волковъ. Такъ, по преданію тюрковъ, сохраненному китайскими историками, праотецъ тюрковъ (тукю) былъ родомъ изъ владѣнія Со. „Одинъ изъ его потомковъ, родившійся отъ волчицы и одаренный сверхъестественными качествами, имѣлъ двухъ женъ: дочь духа неба и дочь духа земли. Отъ первой у него родилось 4 сына, изъ которыхъ одинъ превратился въ лебедя“. Другое преданіе, сохраненное также китайцами, производитъ тюрковъ отъ „волчицы и десятилѣтняго мальчика, уцѣлѣвшаго отъ истребленнаго врагами рода кунновъ и брошеннаго съ отрубленными руками и ногами; волчица питала его, пока враги не свѣдали о чудесномъ сохраненіи жизни юноши и не убили его; тогда волчица удалилась въ окруженную со всѣхъ сторонъ непроходимыми горами долину и родила тамъ 10 сыновей, отъ которыхъ произошли турки-тюгу“. Легенда о происхожденіи монголовъ гласитъ, что они произошли отъ небомъ рожденнаго буреаго волка и сивой лани ¹⁾. Оба предка монголовъ, восточныхъ и западныхъ, по другому варьянту, считаются братьями и сыновьями „Бюртечино“, т. е. сиваго волка, по преданію, предка Чингисхана ²⁾.

¹⁾ Н. А. Арпстевъ. *Замѣтки объ этнограф. составѣ тюркскихъ племенъ*, Живая Старина, 1897, вып. 3—4, стр. 278, 281.

²⁾ А. А. Ивановскій. *Монголы-торгоуты*, стр. 2.

Въ связи съ преданіемъ объ обращеніи въ лебеди одного изъ сыновей предка тюрковъ, слѣдуетъ поставить, что тюрки, живущіе по р. Лебеди (притоку Біи), называютъ себя Ку-кипи т. е. „люди-лебеди“¹⁾, совершенно такъ же, какъ, напр., населеніе Невольничьяго берега, раздѣленное на тотемическіе союзы, называетъ себя Кро-дѣ, „народъ (племя, родъ) леопарда“, Ело-дѣ „народъ (племя, родъ) крокодила“ и т. д., или бегуаны, Ба-куена—„люди-крокодилы“, Ва-тлапи—„люди-рыбы“, Ба-нареръ—„люди-буйволы“ и пр.²⁾.

Принимая во вниманіе вышеприведенныя тотемическія преданія о происхожденіи тюрковъ и монголовъ, мы не должны удивляться, что слѣды тотемизма сохранились въ качествѣ переживаній среди якутовъ и бурятъ. Тотемическій характеръ носятъ прежде всего рассказы о происхожденіи людей отъ коня: богъ сначала сотворилъ коня, отъ него произошелъ полу-конь, полу-человѣкъ, а уже отъ послѣдняго родился человѣкъ³⁾.

Еще Страленбергъ отмѣчаетъ, что у якутовъ каждый родъ считаетъ священнымъ какое-нибудь существо—лебедя, гуся, ворона; это священное животное не употребляется въ пищу членами даннаго рода, но члены другихъ родовъ, имѣющихъ другихъ священныхъ животныхъ, могутъ ихъ ѣсть⁴⁾. До настоящаго времени нѣкоторые якутскіе рода называются по именамъ животныхъ, напр.: сасыль—лисица, эсе—медвѣдь, кукакы—дятель⁵⁾.

Слѣды тотемическихъ вѣрованій якутовъ сказываются наглядно въ сообщаемомъ г. Щужнымъ представленіи ихъ, что между человѣчествомъ и божествомъ существуетъ ходатай, или повѣренный, который принимаетъ молитвы людей, возноситъ ихъ къ богамъ и сообщаетъ людямъ волю послѣднихъ; имя этого ходатая—*эхситъ*. Въ каждомъ родѣ якутовъ эхситъ „пребываетъ въ видѣ бѣло-голубого или косматаго жеребца, ворона, орла, журавля и т. п. Каждый родъ чтитъ своего ходатая и не употребляетъ олицетвореніе его въ пищу“⁶⁾.

1) Н. А. Аристовъ, I. с., стр. 279.

2) Ellis: The Ewe-speaking peoples, стр. 100. Lang, Mythes etc., стр. 67.

3) Сярошевскій: Якуты, стр. 263.

4) Strahlenberg: Nord u. östliche Theil v. Europa u. Asia—въ Изв. О. Арх., Ист. и Этн. при Казан. ун. XI, 43, стр. 244.

5) Сярошевскій: Якуты, стр. 470.

6) Щужныи: Якуты, стр. 17, въ Ж. М. Вн. Д. 1854, VII.

Преданіе якутовъ, заимствованное г. Аристовымъ изъ „Сѣвернаго Архива“ 1822 г. ¹⁾ и сообщающее, что жена верховнаго бога якутовъ, Аръ-тоіона—„милостиваго господина“, явилась предкамъ якутовъ въ видѣ лебеди, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ не употребляютъ лебедя въ пищу, очевидно, стремятся объяснить едѣлавшееся непонятнымъ для самихъ якутовъ возникшее изъ тотемической основы запрещеніе ѣсть лебедя.

Среди бурятскихъ родовыхъ сказаній встрѣчаются и посяція несомнѣнные слѣды тотемизма. Такъ, напр., племена булагаты и экириты производятъ себя отъ двухъ родоначальниковъ, изъ которыхъ Булагатъ былъ рожденъ дочерью Тайжи-хана отъ связи съ Буха-ноёнъ-бабаемъ, припавшимъ видъ темно-сѣраго пороса, и впослѣдствіи вскормленъ послѣднимъ. Экиритъ былъ усыновленъ одною шаманкой; онъ прежде жилъ въ рѣкѣ, и когда еще былъ маленькимъ, его воспитывала рыба, пестрый налимъ; „поэтому пестрый налимъ называется его отцомъ; щель берега служила ему колыбелью, поэтому считается матерью Экирита“. Происхожденіе обычая не употреблять въ пищу лебедя нѣкоторыми бурятами объясняется тѣмъ, что одинъ изъ ихъ родоначальниковъ женился на дѣвицѣ сверхъестественнаго происхожденія, имѣвшей способность превращаться въ лебедя: онъ похищаетъ ея лебедяную одежду, этимъ получаетъ власть надъ ней, беретъ ее въ жены, приживаятъ съ ней 13 сыновей, послѣ чего лебедь выпрашиваетъ свою одежду у мужа и снова улетаетъ. Въ преданіи о происхожденіи кости Шаранутъ, несмотря на позднѣйшее искаженіе, слѣды тотемизма едва ли подлежатъ сомнѣнію: буряты этой кости, по преданію, произошли отъ незаконнаго сына одной дѣвушки, котораго послѣдняя привязала къ хвосту соловаго жеребца и отпустила. Узелъ развязался и мальчикъ упалъ; выросши, онъ женился и сдѣлался родоначальникомъ шаранутской кости, о которой и теперь буряты говорятъ, что ихъ бурханъ соловый жеребецъ. Названіе Шаранутъ сокращено изъ Шарганутъ, „соловѣнькіе“, отъ шарги—соловѣй ²⁾.

Въ качествѣ остатковъ тотемическихъ вѣрованій у ояковъ

¹⁾ Н. А. Аристовъ, 1. с., стр. 335, примѣч.

²⁾ Сказанія бурятъ—въ Зап. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по отд. этнографіи, I вып. 2, стр. 89-90 94 и слѣд., 114, 125.

и вогуловъ можно указать на почитаніе ими нѣкоторыхъ животныхъ, какъ напримѣръ: лебедя, филина, щуки и проч. Въ этихъ животныхъ превращаются боги. По вѣрованію инородцевъ, во главѣ политеистическаго пантеона стоитъ нуми-торумъ (явныхъ-торумъ); вокругъ него группируются его сыновья. Нѣкоторые изъ послѣднихъ имѣютъ способность превращаться въ животныхъ и, повидимому, пользуются въ лицѣ своихъ зооморфныхъ изображеній локальнымъ культомъ, на происхожденіе котораго изъ родового культа нами было уже указано. Такъ, напримѣръ, по словамъ г. Гондатти, въ Сом-паулѣ почитаютъ изображеніе гагары, въ Анневскихъ юртахъ—чайки, въ Тоболдинскихъ—лигушки. Новицкій упоминаетъ, что у остяковъ „иные поклоняются кумиру по подобію звѣриному, *наипаче медвѣдя*, иные же въ подобіе птицъ: лебедя, гуся и всякъ по своему пристрастію“ ¹⁾.

Одинъ изъ сыновей Нуми въ минуты опасности принималъ видъ гуся и улеталъ; этимъ и объясняются, по справедливому мнѣнію г. Гондатти, такъ часто встрѣчающіяся среди священнѣйшихъ предметовъ изображенія гусей изъ золота, серебра или другого металла. Но этотъ же богъ представляется уже въ человѣческомъ видѣ. Мѣстомъ пребыванія его признается священное урочище около Троицкихъ юртъ, на Оби; къ этому урочищу каждый инородецъ считаетъ необходимымъ отправиться въ три года разъ на поклоненіе или, по крайней мѣрѣ, послать туда дары ²⁾. Въ образѣ гуся является людямъ это божество, одно изъ наиболѣе могущественныхъ, по вѣрованіямъ остяковъ ³⁾. Идолъ его въ Бѣлогорскихъ юртахъ въ началѣ XVIII вѣка имѣлъ свое капище, „Скверное жилище“, по словамъ Гр. Новицкаго, и былъ изваянъ изъ мѣди на подобіе гуся ⁴⁾.

Другой сынъ Нуми принималъ во время опасности видъ чайки; еще одинъ изъ сыновей того же божества, живущій въ Обской губѣ при взморьѣ, имѣетъ видъ щуки. Щука считается „священнымъ животнымъ“, при чемъ у прииртышскихъ остяковъ за таковыхъ считаются не всѣ щуки, а только нѣкоторыя, живущія въ

¹⁾ Новицкій: Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 47.

²⁾ Н. Л. Гондатти: Слѣды язык. вѣрованій у маньчжуръ, стр. 51, 56.

³⁾ Раткаповъ: Die Irtsisch-Otjaken, стр. 102, 131.

⁴⁾ Новицкій: Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 57.

глубинахъ, отличающіяся своею старостью и имѣющія особенно большія головы ¹⁾.

Аясъ-торумъ, также одинъ изъ сыновей Нуми, живетъ около моря при устьѣ Оби и можетъ мѣнять человѣческой видъ на лебединый. Онъ женился на дочери великана, обладавшаго способностью превращаться въ сороку; добываніе невесты происходило при содѣйствіи младшаго брата Аясъ-торума, имѣвшаго способность превращаться въ ястреба ²⁾. Въ видѣ лебедя улетаетъ отъ преслѣдованій и извѣстный покровитель рыбъ Обскій старецъ, имѣвшій свое мѣстопробываніе въ капищѣ недалеко отъ Самарова, при слияніи Иртыша съ Обью; его идолъ имѣлъ видъ человѣка, но когда миссіонеры рѣшили его сжечь, остяки ему приписали чудо: „сжигаемого убо зряще кумира, притвориша себе видѣти отъ пламене подобіемъ лебедя излетѣвшаго, и вездѣ лестцы и лжеслужителис разсѣяша плевелы сіи“ ³⁾.

Наконецъ, одинъ изъ сыновей Нуми-торума появляется на свѣтъ въ видѣ лягушки, вырѣзанной изъ налива. Въ этомъ преданіи мы имѣемъ уже совершенно ясный примѣръ родового тотемическаго разсказа, такъ какъ оно связано съ легендами о богатыряхъ. Въ награду одному изъ богатырей за его мирный нравъ Нуми-торумъ посылаетъ своего сына. Богатырь идетъ ловить рыбу и приноситъ домой только одного налива; разрѣзавъ послѣдняго, онъ находитъ лягушку, которая заплакала, какъ живой ребенокъ; богатырь кладетъ лягушку въ люльку, воспитываетъ ее вмѣстѣ со своей женой, и лягушка, бывшая воплощеніемъ одного изъ сыновей Нуми, вскорѣ вырастаетъ въ могучаго богатыря, получившаго то же имя, какъ и его воспитатель. Последняя подробность указываетъ на тотемическій характеръ преданія, такъ какъ тождество именъ воспитателя и воспитанника, происшедшаго изъ лягушки, находившейся во внутренностяхъ налива, свидѣлствуетъ о бывшемъ прежде отождествленіи обѣихъ личностей. При родовомъ характерѣ сказаній о богатыряхъ у вогуловъ, мы въ правѣ видѣть въ приведенной легендѣ разсказъ о чудесномъ рожденіи родоначальника-животнаго, впоследствии обоготвореннаго и обратившагося, на ряду съ другими полузооморфъ

¹⁾ Patkanow, l. c. стр., 56, 57.

²⁾ Гондатти, l. c., стр. 57.

³⁾ Новицкіі: Краткое описаніе о народѣ остякомъ, стр. 71

ными, полуантропоморфными родоначальниками, въ синовой главнаго божества. Мѣсто его подвиговъ въ борьбѣ съ враждебными духами пользуется особымъ поклоненіемъ населенія, при чемъ на родовой характеръ культа указываетъ, между прочимъ, и то, что даже въ настоящее время доступъ къ святилищу этого бога на Сосьвѣ запрещенъ женщинамъ ¹⁾).

Локальный характеръ культа этихъ божествъ, способность къ превращеніямъ ихъ во то или другое животное, изображеніе самихъ божествъ, даже по совершившейся уже антропоморфизации ихъ, у остяковъ и вогуловъ иногда въ образѣ животныхъ—не оставляютъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ остаткомъ зоолатріи, основанной на тотемизмѣ: боги—птицы, рыбы и т. д. постепенно утрачиваютъ свой древній теріоморфный обликъ, группируются въ пантеонъ, въ семью боговъ, находящуюся подъ управленіемъ отца, и изъ исключительно родовыхъ дѣлаются племенными богами, пользующимися однако нерѣдко лишь локальнымъ культомъ и имѣющими определенное мѣстопребываніе—въ урочищахъ, гдѣ стоятъ ихъ, въ настоящее время уже антропоморфные, идолы. Святилища, бывшія прежде очевидно родовыми, съ развитіемъ племенного единства, утратили свой прежній узкородовой характеръ. Если относительно происхожденія этихъ божествъ изъ родовыхъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, то самый фактъ почитанія цѣлаго вида животныхъ родомъ можетъ быть объясненъ тотемизмомъ. Въ настоящее время, когда языческія вѣрованія, достигши значительной степени развитія, сохраняются только въ качествѣ старины у офиціально обращенныхъ въ христіанство остяковъ и вогуловъ, мы не въ правѣ ожидать, чтобы вытекающее изъ тотемизма запрещеніе употреблять въ пищу тотема могло ослабить жизненные слѣды въ бытѣ указанныхъ народовъ. Инородцы употребляютъ въ пищу гусей, собираютъ и ѣдятъ лебединыя яйца. Употребляютъ ли они въ пищу лебедя или вѣтъ, намъ неизвѣстно. Но весьма важно, что по представленіямъ остяковъ употребленіе лебедя въ пищу считается грѣхомъ: вымираніе остяковъ въ Майковскихъ юртахъ объясняется населеніемъ Темлячевской волости какъ наказаніе за совершеніе подобнаго святотатственнаго поступка ²⁾. Что нѣкогда тотемизмъ не былъ чуждъ

¹⁾ Н. М. Гонд атти, I. с. стр. 58, 59.

²⁾ Ratkanow, I. с, стр. 131

и другимъ финнамъ, доказывается, между прочимъ, и интереснымъ фактомъ, сообщаемымъ г. Богаевскимъ,²⁾ что вотяцкое названіе одного изъ родовъ—Юсь—значить лебедь. Племенное имя у вотяковъ является одновременно и именемъ ихъ родового духа покровителя (воршудъ, мудоръ). Далѣе, самъ духъ-покровитель считается обыкновенно родоначальникомъ или родоначальницей даннаго рода; такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что родъ Юсь, имѣющій и духа-покровителя того же имени, долженъ былъ въ отдаленное время признавать свое происхожденіе отъ лебедя, что безспорно свидѣтельствуетъ о тотемизмѣ. Въ связи съ этимъ можетъ быть поставленъ описанный Н. Аванасьевымъ¹⁾ „праздникъ лебедей“ у вотяковъ-язычниковъ Мамадышскаго уѣзда. Черезъ каждые 2 года вотяки приобрѣтаютъ въ началѣ весны пару лебедей (самца и самку), платя иногда за нихъ до 100 рублей, откармливаютъ ихъ и приучаютъ къ людямъ. Въ первыхъ числахъ іюля въ присутствіи этихъ лебедей совершается торжественное жертвоприношеніе въ керемети, во время котораго закалываются лошади, коровы, овцы, гуси и т. п. Во время праздника лебеди находятся въ керемети; по окончаніи торжества имъ привязываютъ на шею шелковымъ снуркомъ по серебряному рублю, кланяются имъ и на парѣ лошадей торжественно отправляютъ съ провожатыми на р. Вятку. Здѣсь послѣ новыхъ поклоновъ ихъ спускаютъ въ воду. Хотя въ настоящее время это празднество доступно всѣмъ, хотя по вѣрованіямъ вотяковъ лебеди считаются *представителями* отъ боговъ, изъ которыхъ Падзымъ-Ильмаръ, Пси-Ильмаръ и Колгымъ-Ильмаръ присутствуютъ на праздникѣ, едва ли этотъ видъ зоолатріи можно объяснить иначе, чѣмъ слѣдомъ древняго тотемическаго празднества.

Весьма извѣстнымъ проявленіемъ тотемизма можетъ считаться обычай татуировать фигуру, изображающую тотема. Этотъ обычай встрѣченъ въ сравнительно значительномъ количествѣ случаевъ у разныхъ народовъ земного шара¹⁾. Повидимому, онъ не былъ чуждъ и сѣверо-западнымъ сибирскимъ инородцамъ. Григ.

¹⁾ П. М. Богаевскій: Очеркъ религіозныхъ вѣрованій вотяковъ („Этнографическое Обзорѣніе“ 1890).

²⁾ Аванасьевъ: Праздникъ лебедей у вотяковъ-язычниковъ Мамадышскаго у.—въ Изв. И. Р. Г. О. V, 1881, стр. 281—286.

³⁾ Ср. Frazer: Totemism стр. 28—20.

Новицкий упоминаетъ объ обычаѣ остяковъ татуировать „на руцѣхъ или носѣ или на персѣхъ“ „знаменія нѣкая“, представляющія преимущественно птицъ и звѣрей. Эти рисунки, сдѣланные посредствомъ втиранія въ тѣло сажи въ проколы иглой, остаются на всю жизнь и служатъ имъ вмѣсто украшеній. Изображеніе этихъ же рисунковъ замѣняли подписи: „и сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто подписанія рукою своею черты своя выписуютъ и заемная утверждаютъ писанія“¹⁾.

Палласъ, сообщая объ обычаѣ остячекъ татуировать тѣло, замѣчаетъ, что то же дѣлаютъ и мужчины, но только на однѣхъ кистяхъ, „и оныя знаки, продолжаетъ онъ, записываются въ исашную книгу, что у нихъ такъ, какъ и у другихъ безграмотныхъ народовъ, столько же важить, сколько рукою подписаться“²⁾. Остяки вмѣсто подписи начерчивали фигуру, изображенную на тѣлѣ. Г. Оглобинъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о характерѣ рисунковъ, которые инородцы, въ томъ числѣ и остяки, прикладывали на официальныхъ докладахъ³⁾, такъ что, сопоставляя матеріалъ, добытый г. Оглобинымъ изъ древнихъ актовъ, съ вышеприведенными словами Палласа, мы можемъ составить себѣ представленіе о рисункахъ, которые остяки татуировали себѣ. Впрочемъ часть клеймъ могла быть заимствована и другимъ путемъ; такъ, напр., въ документахъ, изслѣдованныхъ г. Оглобинымъ, указывается иногда, откуда заимствуется „знамя“: напр. „знамя Абоково—имя, что на оленѣ пятно“, или „знамя Асиково, имл—на лѣвой рукѣ ево топоромъ посѣчено“. Но, напр., въ Березовскомъ сыскѣ 1642 г. встрѣчаются при нѣкоторыхъ знаменахъ, отличающихся простотой—именно изображающихъ линію (прямую или косую)—слѣдующее объясненіе, намекающее на татуировку: напр. „знамя..., имя ему рубецъ, порѣзано на рукѣ“.

Подъ остяками въ XVII в. подразумѣвались, повидимому, и другіе инородцы; но такъ какъ значительная часть открытыхъ и опубликованныхъ г. Оглобинымъ остяцкихъ „знаменъ“ принадлежатъ инородцамъ Березовскаго, Сургутскаго и Нарынскаго окру-

1) Новицкій: Краткое описаніе о народѣ остякомъ, стр. 33.

2) Палласъ: Путешествіе, III. пол. 1-ая, стр. 53.

3) Н. Н. Оглобинъ: Остяцкія знамена XVII в. (Истор. Вѣстн. 1889 г. № 10) и Знамена сиб. инородцевъ XVII в. (Екатеринбургскія Недѣли, 1891, № 4).

говъ, мы въ правѣ признать, что такіа знамена принадлежатъ осякамъ въ этнографическомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ указанныя округа являются до извѣстной степени и коренною областю обитанія представителей этой народности.

Осяцкія знамена весьма часто изображаютъ животныхъ (напр. медвѣдя, выдру, соболя, бобра, лисенцу, росомаху оленя), птицъ (напр. орла, филина, тетерева, журавля), рыбъ, змѣй, лягушку. Едва ли можно предполагать, что во время, отъ котораго дошли изслѣдованные г. Оглоблинымъ документы, эти изображенія, если они были татуированы, имѣли значеніе тотемическое, т. е. изображенія духа-покровителя: одновременно съ упомянутыми изображениями встрѣчаются и человѣческія фигуры, деревья, лукъ со стрѣлою, посохъ, костыль острый, весла, мѣсяцъ, солнце и пр. Вѣроятно же всего, что въ XVІІ в. эти изображенія имѣли лишь характеръ украшеній. Но на ихъ первоначальное религіозное значеніе указываетъ то, что значительная часть изображаемыхъ животныхъ имѣла въ глазахъ осяковъ священный характеръ, напр. филинъ, тетеревъ, змѣя, лягушка и т. д., такъ какъ въ настоящее время они еще считаются священными въ глазахъ осяковъ. На это же указываетъ и употребленіе интересныхъ клеймъ, изображающихъ очевидно боговъ и идоловъ: первые въ объясненіи клеймъ отмѣчены подъ названіемъ „шайтанова рожа“, причемъ подъ именемъ шайтанъ очевидно не слѣдуетъ разумѣть представителя нечистой силы, по мнѣнію осяковъ, а языческое божество, или антропоморфнаго фетиша лишь въ глазахъ русскихъ считаемаго, какъ и всѣ языческія божества, бѣсомъ, шайтаномъ. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что напр. объяснительная надпись при одной „шайтановой рожѣ“ гласитъ: „знамя Шила Кодаева сына, имя ему—болванъ (истуканъ)“ ¹⁾. Большинство клеймъ имѣетъ личный характеръ, такъ что каждый осякъ имѣлъ свое клеймо. Если мы предположимъ, что осяки, татуируя себя и изображая фигуру священнаго животного, дѣлали это первоначально изъ соображеній религіозныхъ, вѣроятно же всего придется признать въ этихъ изображеніяхъ рисункъ того животного, которое осякъ считалъ своимъ личнымъ духомъ-покровителемъ—тотемомъ. Обычай татуирования своего духа-

¹⁾ Оглоблинъ: Осяцкія знамена, Ист. В. 1889, X, стр. 147.

покровителя, съ упадкомъ тотемизма, долженъ былъ утратить свой смыслъ и сохранился въ качествѣ наслѣдія старины, при чемъ татуируемый избиралъ для рисунка не только извѣстныхъ животныхъ, но и различные предметы.

Другое значеніе имѣютъ „волостныя знамена“, встрѣченныя г. Оглоблинымъ однако лишь въ крайне ограниченномъ количествѣ. На сыскѣ 1682 г. ясашный остякъ Кораконской волости Кытынбакъ Улусовъ прикладываетъ „волостное свое знамя—орелъ“, остякъ Лункупольской волости П. Сычеминовъ „за себя и вмѣсто товарищей своихъ приложилъ волостное свое знамя—ель“, наконецъ „на томъ же сыскѣ помѣщено волостное знамя Залымской волости—соболь“ и пр. При родовомъ характерѣ, которымъ проникнутъ былъ общественный строй остяковъ до послѣдняго времени, „волостныя знамена“ вѣроятно всею совпадали съ родовыми клеймами; если же роду служило клеймомъ изображеніе того или иного звѣря, вѣроятно всею предположить, что онъ считался духомъ-покровителемъ данной родственной, впоследствии быть можетъ территоріальной группы. По предположенію г. Сѣрошевскаго ¹⁾, названія якутскихъ родовъ Сасыль—лисица Эсе—медвѣдь и т. д. указываютъ приблизительно, какія могли быть у нихъ знамена, въ настоящее время, съ упадкомъ родового быта, забытыя якутами совершенно такъ же, какъ и боевой крикъ каждаго рода (уранъ).

Зная, что въ продолженіи родовъ по именамъ животныхъ, слѣдуетъ видѣть слѣды тотемизма, мы вынуждены признать, что въ родовомъ знакѣ якутовъ, если онъ изображалъ животное, названіе котораго носилъ родъ, изображался тотемъ послѣдняго.

Не настаивая на предположеніи, что личныя и волостныя клейма остяковъ и якутовъ, изображающія представителей мѣстной фауны, возникли изъ тотемическихъ основъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что какъ ни скудны приведенныя выше свѣдѣнія о слѣдахъ тотемизма у остяковъ и вогуловъ, они даютъ право утверждать, что нѣкогда тотемическія вѣрованія имъ не были чужды. Признаніе медвѣдя тотемомъ въ первоначальныхъ религіозныхъ представленіяхъ указанныхъ народностей оказывается такимъ образомъ лишь однимъ изъ проявленій существовавшаго вообще

¹⁾ Сѣрошевскій: Якуты, с стр. 470—471.

у нихъ тотемизма. Если медвѣдю посчастливилось больше, чѣмъ остальнымъ тотемическимъ животнымъ, если культъ его не былъ забытъ, если медвѣдь не смѣшался съ тѣми богами, которые, возникнувъ изъ тотемической основы, впоследствии антропоморфизировались и пополнили остицкій пантеонъ, то причину этого слѣдуетъ искать въ томъ, что медвѣдь былъ наиболѣе крупнымъ представителемъ мѣстной фауны, что онъ какъ таковой внушалъ къ себѣ страхъ и уваженіе, что встрѣча съ нимъ представляла опасности и т. д., однимъ словомъ оттого, что медвѣдь самъ по себѣ, не утрачивая своихъ зооморфныхъ чертъ, представлялся и позднѣйшему, болѣе развитому остяку или вогулу такимъ же сверхъестественнымъ существомъ, какимъ онъ являлся воображенію ихъ предковъ, избравшихъ его себѣ духомъ-покровителемъ. Именно этимъ значеніемъ медвѣдя слѣдуетъ объяснить, почему культъ его могъ такъ долго просуществовать и представляетъ въ настоящее время еще наиболѣе яркій примѣръ зоолатріи среди инородцевъ сѣверо-западной Сибири.

Выше приведенныя данныя оправдываютъ выставленную нами гипотезу о происхожденіи культа медвѣдя изъ тотемической основы. Если мы не располагаемъ большимъ количествомъ фактовъ, которые могли бы безспорно доказать наше положеніе, то это слѣдуетъ объяснить прежде всего тѣмъ, что тотемизмъ, который, какъ мы старались доказать, хотя и не былъ чуждъ первобытнымъ вѣрованіямъ остяковъ и вогуловъ, принадлежитъ въ ихъ средѣ къ явленіямъ уже отжившимъ, сохранившимся у нихъ только въ качествѣ фактовъ переживанія и въ мѣтахъ. Кромѣ того, изслѣдователи, довольно подробно описавшіе религіозныя представленія указанныхъ народностей, поскольку рѣчь идетъ о спиритуалистическихъ вѣрованіяхъ въ высшія существа и о фетишизмѣ, совершенно не обращали вниманія на изученіе остатковъ тотемическихъ вѣрованій. Въ настоящее время языческія вѣрованія и культъ у остяковъ и вогуловъ приходятъ въ упадокъ. Падаетъ и уваженіе къ медвѣдю и его культъ: еще Эрманъ могъ отмѣтить, что мѣстами остяки послѣ убійства медвѣдя относятся насмѣшливо къ убитому звѣрю. Празднеству въ честь медвѣдя предшествуютъ дѣйствія, имѣющія цѣлю унижить и осмѣять медвѣдя. Снятую шкуру набиваютъ сѣномъ, топчутъ ногами, плюютъ на нее, поютъ насмѣшливыя пѣсни, насмѣхаясь надъ тѣмъ, что такой сильный звѣрь

не могъ устоять противъ человѣка и т. д., послѣ этого ставятъ шкуру въ юрту и приступаютъ къ чествованію его „какъ своего бога-покровителя“ ¹⁾.

Насмѣшливое отношеніе къ убитому звѣрю, пользующемуся или пользовавшемуся поклоненіемъ, встрѣчается не только у остяковъ: коряки, напр., убивъ лисицу, оборачивали по снятіи шкуры ея тѣло травой, предлагали ей отправиться и рассказать своимъ, гдѣ она была въ гостяхъ, какъ ее хорошо принимали и какъ ей вмѣсто старой одежды подарили новую ²⁾. Даяки Борнео при охотѣ на аллигаторовъ обращаются къ пойманному багромъ звѣрю съ нѣжными и почтительными рѣчами, пока не захватятъ его ногъ, а затѣмъ насмѣшливо называютъ его „раджа“ и „дѣдушка“ и т. д. По поводу всѣхъ этихъ фактовъ мы можемъ лишь повторить слова Тейлора, что когда дикарь побѣдитъ свой страхъ передъ крупнымъ представителемъ фауны, онъ все еще сохраняетъ въ иронической формѣ почтеніе, имѣвшее своимъ источникомъ самый искренній ужасъ ³⁾. Остякъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ медвѣдь утратилъ для него священный характеръ, осмѣиваетъ и унижаетъ убитаго звѣря, но онъ еще не настолько эманципировался отъ прежнихъ вѣрованій, чтобы не оказать тотчасъ затѣмъ всѣхъ знаковъ почтенія медвѣдю, съ цѣлью гарантировать себя отъ мести раздраженного духа убитаго и осмѣяннаго звѣря. Упадокъ культа сказывается и въ развивающемся обыкновеніи у прииртышскихъ остяковъ продажи шкуры медвѣдя, съ цѣлью возмѣститъ расходы по дорого стоющему празднеству, и въ трудности найти въ настоящее время инородца, который бы зналъ хорошо въ деталяхъ ритуаль самого празднества и пр. Въ виду этого вполне естественнымъ является фактъ, что ни остяки ни вогулы не охраняютъ медвѣдя, а напротивъ съ удовольствіемъ идутъ на охоту противъ него, вмѣняютъ себѣ въ честь убійство медвѣдя и ограничиваются чествованіемъ, носящимъ слѣды старины и древнихъ вѣрованій. Очевидно, однако, что если медвѣдь былъ прежде тотемомъ, само празднованіе должно было имѣть другое основаніе,

¹⁾ Erman: Reise in die Erde I, стр. 670; ср. также, Б ѣ л я в с к і й. Походка къ Ледовитому морю, стр. 99—100, примѣч.

²⁾ Bastian: Der Mensch III, стр. 26.

³⁾ Тейлоръ: Первобытная культура, II стр. 45.

чѣмъ въ настоящее время, такъ какъ своего тотема дикарь избѣгаетъ убивать и употреблять его мясо въ пищу.

Есть основаніе предполагать, что первоначально праздниѣ медвѣдя носилъ родовой характеръ. Относительно остяжковъ и вогуловъ, равно и лопарей, у которыхъ культъ медвѣдя сохранился довольно жизненно въ предшествующія столѣтія, это предположеніе находитъ себѣ оправданіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Родовыя празднества вообще отличаются исключительностью; въ нихъ принимаютъ участіе преимущественно только мужчины; женщины, какъ чужеродки, не принимаютъ вовсе или принимаютъ только относительное участіе. 2) Дѣти, какъ не посвященные въ родовой культъ, исключаются отъ участія въ этихъ празднествахъ. И ту и другую черту носить чествованіе медвѣдя. Вышеприведенныя свѣдѣнія, сообщенныя о томскихъ остякахъ г. Филимоновымъ, доказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, дѣти не допускаются къ празднеству: они находятся внѣ юрты, гдѣ происходить празднество, и поэтому-то къ нимъ и обращается старуха съ вопросомъ, кто съѣлъ мясо медвѣдя, куда улетѣли птицы, которымъ дѣти приписываютъ вину расхищенія останковъ медвѣдя. Удаленіе дѣтей при чествованіи медвѣдя можетъ до известной степени служить также косвеннымъ указаніемъ на тотемическое происхожденіе культа медвѣдя. Многіе обычаи, практикуемые некультурными народами при наступленіи совершеннолѣтія, имѣютъ цѣлью приобщить юношу къ тотемическому союзу, установить родство между нимъ и родовымъ тотемомъ ¹⁾. Значительное количество подобныхъ фактовъ собрано и объяснено Фразеромъ ²⁾. Чтобы быть участникомъ тотемическаго празднества, необходимо установить свое родство съ тотемомъ, что совершается при наступленіи совершеннолѣтія. Вслѣдствіе этого удаленіе не совершеннолѣтнихъ является естественнымъ слѣдствіемъ указаннаго порядка вещей. Быть можетъ, въ исключеніи мѣстами молодѣтнихъ отъ участія въ празднествѣ въ честь медвѣдя можно видѣть отголосокъ прежняго взгляда, согласно которому члены тотемическаго союза только послѣ ритуальнаго вступленія въ него

¹⁾ Marillier: La place du totemisme etc, стр. 226—227.

²⁾ Frazer: Totemism, стр. 38—47; Frazer: The Golden Bough II, стр. 342—359,

при совершеннолѣтіи имѣють право принимать участіе въ родовомъ празднествѣ.

Женщины не являются даже въ настоящее время равноправными участницами въ празднествѣ. Имъ дается часть медвѣжьяго мяса, но нѣкоторые куски специально принадлежатъ мужчинамъ. У древнихъ лопарей женщины не принимали участія въ приготовленіи мяса; варка его производилась одними мужчинами въ шалашѣ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ ритуальныхъ обрядовъ, причемъ въ это время женщины не имѣли права входить въ шалашъ. Часть мяса посылалась затѣмъ женщинамъ, причемъ однако обращалось вниманіе, чтобы имъ не достались нѣкоторыя части медвѣдя ¹⁾. Подобное-же ограниченіе женщинъ въ пользованіи медвѣжьимъ мясомъ встрѣчается и у остяковъ и вогуловъ: въ распоряженіе женщинъ предоставляется только медвѣжій задъ, такъ что въ ритуальномъ общеніи пищей онѣ не участвуютъ. Мужчины, наоборотъ, кромѣ мяса, которое готовится и съѣдается во время празднества, готовятъ себѣ специально въ полѣ по окончаніи торжества голову, сердце и лапы медвѣдя ²⁾. Что касается нѣкоторыхъ другихъ народностей, среди которыхъ мы встрѣчаемъ болѣе ясныя слѣды культа медвѣдя, мы видимъ иногда слѣды бывшаго нѣкогда родового характера пиршества. У айновъ, напр., онъ носитъ часто локальный характеръ. Хотя обыкновенно лицо, устраивающее пиршество, приглашаетъ и родственниковъ и знакомыхъ, но въ небольшихъ деревняхъ почти вся община принимаетъ участіе въ праздникѣ въ честь медвѣдя ³⁾. У гиляковъ „праздникъ медвѣдя“ носитъ уже опредѣленные черты родового праздника. Какъ и у айновъ и гольдовъ, такъ и у гиляковъ существуетъ обычай пріобрѣтать медвѣдя, который затѣмъ въ опредѣленное время убивается. Хотя медвѣдя пріобрѣтаетъ кто-нибудь одинъ изъ членовъ рода, но расходы по празднеству несутъ всѣ сородичи. Въ настоящее время на этотъ праздникъ съѣзжаются не только сородичи, но и чужеродные гости; не смотря на это родовой характеръ празднества нисколько не измѣняется: женщины, хотя и допускаются къ вкушенію медвѣжьяго мяса, но не могутъ присутствовать при убіеніи медвѣдя; огонь, надъ которымъ варилось мясо, долженъ

¹⁾ Русскіе Лопари, стр. 201.

²⁾ Л. Н. Гондати: Культъ медвѣдя, стр. 77.

³⁾ Frazer: The golden Bough, II, стр. 102.

быть разведенъ не иначе какъ родовымъ огнивомъ ¹⁾. Какъ-бы ни объяснялся съ точки зрѣнія современныхъ вѣрованій гилаковъ праздникъ медвѣдя, его родовой характеръ не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, что въ прежнее время, когда деревенская община еще не замѣнила собой родовъ, этотъ праздникъ и у айновъ носилъ такой-же характеръ, и вѣроятно, на основаніи вышеизложеннаго, это празднество медвѣдя у остяковъ и вогуловъ отличалось той-же исключительностью, свойственной вообще всемъ родовымъ ритуальнымъ пиршествамъ.

Родовыя пиршества, во время которыхъ убивается и употребляется въ пищу тотемическое животное, распространены у некультурныхъ народовъ. Въ основѣ этихъ пиршествъ, какъ и другихъ имъ аналогичныхъ, лежитъ общее некультурнымъ народамъ убѣжденіе, что употребленіе въ пищу извѣстнаго животного передаетъ участникамъ трапезы и качества животного. Съѣданіе въ опредѣленное время своего тотема, ритуальное общеніе священнымъ мясомъ лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же тотемическому роду, объясняется такимъ образомъ желаніемъ, какъ воспринять качества съѣденнаго зѣвря, такъ и подчеркнуть, наглядно представить свое общеніе съ нимъ. Но убійство тотема требуетъ искупительныхъ обрядовъ, извиненій передъ убитой особою священнаго класса животныхъ. Отсюда стремленіе, какъ мы это видимъ у остяковъ и вогуловъ, умиловитъ духа убитаго, чествованіе его, принятіе мѣръ, чтобы душа медвѣдя могла неповрежденной вернуться на небо. Съ другой стороны, желаніе воспринять качества медвѣдя заставляетъ иноводцевъ оставлять только для мужчинъ, т. е. для членовъ рода, сердце и голову, т. е. тѣ части, въ которыхъ по преимуществу признается мѣстопребываніе души и, слѣдовательно, особенно важныя при ритуальномъ общеніи пищей. Что самое приготовленіе пищи и трапезы по окончаніи празднества носятъ религіозный характеръ, доказывается въ достаточной степени священнымъ характеромъ всего празднества, равно и обрядами, соблюдаемыми при послѣдней трапезѣ, по окончаніи чествованія медвѣдя.

Въ праздникъ, слѣдующемъ за убіеніемъ медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, мы склонны видѣть слѣды родового-тотемическаго

¹⁾ Штернбергъ: Сахалинскіе гилаки въ „Этн. Обзор.“ XVII, стр. 9—10

празднества, во время котораго сородичи употребляли въ пищу своего тотема. Съ утратой тотемическихъ чертъ въ вѣрованіяхъ, медвѣдь, который убивался для родового праздника, сталъ убиваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Члены другихъ тотемическихъ союзовъ не были обязаны охранять медвѣдя. Но упадокъ тотемизма долженъ былъ привести къ тому, что тѣ инородцы, которые признавали медвѣдя своимъ духомъ-покровителемъ, стали разрѣшать охоту на него во всякое время, слились въ этомъ отношеніи съ представителями другихъ родовъ и, наоборотъ, послѣдніе, въ виду силы медвѣдя и опасности, представляемой охотою на него, восприняли обряды и обычаи, служащіе для умилоствленія духа убитаго медвѣдя и выработанные въ отдаленную эпоху господства тотемизма; этому широкому распространенію культа медвѣдя способствовало совершившееся при упадкѣ родовой религіи поднятіе медвѣдя изъ разряда духа-покровителя рода въ сверхъестественное, полу-божественное существо всего народа.

Обычай айновъ, гольдовъ и гиляковъ пріобрѣтать медвѣдя, сохранять его въ клѣткѣ и затѣмъ убивать его съ ритуальными обрядами, сопровождающими пиршество, объясняется Фразеромъ изъ желанія некультурнаго человѣка умилоствлять весь родъ медвѣдей посредствомъ чествованія одного изъ представителей этого послѣдняго. Медвѣдь могущественъ и страшенъ людямъ, онъ имъ полезенъ, такъ какъ они пользуются его шкурой и мясомъ, онъ понятливъ, и потому необходимо дать всему роду медвѣдей удовлетвореніе за предпринимаемыя охоты и совершаемое убійство. Для достиженія этой цѣли, именно дать удовлетвореніе за убіеніе медвѣдей, за потерю, которую послѣдніе несутъ, айны берутъ медвѣженка, вскармливаютъ его и затѣмъ убиваютъ съ выраженіемъ своей печали и благоговѣнія ¹⁾. Таково объясненіе Фразера обычая айновъ ловить въ концѣ зимы медвѣженка, приносить его въ деревню, гдѣ его свачала вскармливаетъ грудью женщина, а когда онъ подрастетъ—убивать его осенью и устраивать торжественное пиршество ²⁾. Аналогичный способъ устрой-

¹⁾ Fraser: The golden Bough, II, стр. 132. Описаніе праздника по убійствѣ медвѣдя у айновъ см. также: Ядринцевъ, О культѣ медвѣдя, стр. 105—106.

²⁾ Ibid., стр. 101 и слѣд.

ства праздника въ честь медвѣдя отмѣченъ у гиляковъ и гольдовъ.

Бесѣма обстоятельное описаніе праздника въ честь медвѣдя у гиляковъ и гольдовъ приведено Шренкомъ ¹⁾. Медвѣдь ловится живымъ и затѣмъ его торжественно убиваютъ. Иногда въ цѣляхъ устройства праздника покупаютъ медвѣдя. Чрезвычайно интереснымъ представляется намъ фактъ, отмѣчаемый Шренкомъ, что праздникъ устраивается только въ честь медвѣдя, убитаго въ неволѣ; если медвѣдь во время охоты не будетъ пойманъ живымъ, а будетъ убитъ охотниками, мясо его съѣдаютъ безъ соблюденія торжественныхъ обрядностей. Культъ *всѣхъ* медвѣдей перешелъ и у гиляковъ, какъ и у айновъ, на индивидуальнаго, воспитываемаго или удержаннаго въ неволѣ медвѣдя. Священное значеніе медвѣдя у гиляковъ наглядно выясняется изъ широкаго распространеннаго обычая имѣть въ числѣ прочихъ зооморфныхъ идоловъ и идола, изображающаго медвѣдя. По словамъ Шренка, подобный идолъ можно встрѣтить въ окрестностяхъ почти каждаго гиляцкаго селенія ²⁾.

Мы не думаемъ, чтобы вышеприведенное мнѣніе Фразера объясняло удовлетворительнымъ образомъ оригинальный обычай айновъ, гиляковъ и гольдовъ вскармливать медвѣженка съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ убить его. Трудно предположить, чтобы этимъ путемъ преслѣдовались цѣли ритуальнымъ пиршествомъ удовлетворять остальныхъ медвѣдей, такъ какъ едва ли дикарь могъ думать, что, убивая одного изъ представителей опасныхъ, но полезныхъ для него животныхъ, хотя бы убійство и сопровождалось обрядовымъ пиршествомъ, онъ удовлетворялъ другихъ медвѣдей за смерть тѣхъ изъ нихъ, которые убивались на охотѣ безъ всякихъ обрядностей. Естественноѣе предположить, что культъ медвѣдя, обычаи, употребляемые при убіеніи вскормленнаго въ деревнѣ медвѣженка, ритуальное пиршество и т. д. предшествовали по времени своего появленія обычаю

¹⁾ Schrenck: Reisen u. Forschungen im Amurlande, III, Lief. 3, стр. 696—737.

²⁾ Ibid. III. Lief. 2, стр. 562—563, Lief. 3, стр. 746. См. также Штернбергъ: Сахалинскіе гиляки (Этногр. Обзор. XVII). Ср. празднества у ороченъ: С. Леонтовичъ, Природа и населеніе р. Тумны (Землеустройство, 1897, № 3—4, стр. 56 и слѣд.).

ловить медвѣженка и затѣмъ убивать его. На послѣдняго, очевидно, лишь перенесены черты культа, прежде примѣнявшагося вообще при убійствѣ медвѣдя. Способъ убіенія медвѣженка, пиршество, которымъ оно сопровождается, носить религіозный характеръ; оно, въ своей основѣ, вытекаетъ изъ родового пиршества, въ послѣдствіи замѣненнаго общиннымъ или частнымъ. Мы должны предположить, что ритуальное убійство медвѣдя для устройства родового празднества, во время котораго употреблялось въ пищу мясо медвѣдя, предшествовало обычаю ловить медвѣженка. Далѣе, въ послѣднемъ обычаѣ мы не можемъ признать исключительно средства облегчить охоту на медвѣдя, путемъ ловли маленькаго медвѣдя въ цѣляхъ убить его въ послѣдствіи: этому противорѣчилъ бы фактъ, что охоты на медвѣдя встрѣчаются часто у названныхъ народовъ, и, слѣдовательно, опасность, представляемая охотой, не могла бы удерживать населеніе отъ устройства религіознаго пиршества въ честь медвѣдя. Причину остается искать въ другомъ.

При тотемизмѣ духами-покровителями признаются всѣ особи даннаго вида животныхъ. Но одновременное господство съ тотемизмомъ и фетишизма приводитъ къ тому, что часто только отдѣльный представитель тотемовъ пользуется поклоненіемъ. Такъ, напримѣръ, у одного изъ племенъ Амерыки личный тотемъ новорожденнаго опредѣляется при помощи извѣстныхъ средствъ при самомъ рожденіи ребенка; но когда послѣдній подрастаетъ, онъ достаетъ себѣ особъ животнаго, которое считается его тотемомъ, и заботится о немъ, вѣруя, что его жизнь связана съ жизнью послѣдняго ¹⁾. У другихъ американскихъ племенъ личнымъ тотемомъ признается животное, которое видитъ во снѣ юноша въ теченіе поста, которому онъ подвергается при наступленіи совершеннолѣтія: онъ долженъ убить представителя своего тотема и носить его шкуру или другую часть своего тотема постоянно при себѣ ²⁾. Въ этихъ случаяхъ культъ тотема превращается въ культъ фетиша, и различіе подобнаго рода видоизмѣненій тотемизма отъ чистаго фетишизма заключается главнымъ образомъ въ томъ, что дикарь, почитая особъ, сознаетъ, однако, свою связь съ видомъ тотемическаго животнаго. Совершенно то же имѣетъ мѣсто и въ случаяхъ, когда тотемическій союзъ переноситъ поклоненіе на особъ своего тотема. Отдѣльнаго представителя класса живот-

¹⁾ Frazer: Totemism, стр. 55.

²⁾ Fr. Schultz e: Der Fetischismus, стр. 115.

ныхъ, признаваемыхъ за тотемовъ, держать въ клѣткахъ, оказываютъ ему знаки почтенія и т. п. Нѣсколько примѣровъ подобнаго рода приведены и Фразеромъ: нарриньери южной Австраліи, если они принадлежатъ къ роду змѣй, поступаютъ такъ со змѣями. Жители Явы, если они признаютъ своимъ тотемомъ рыжую собаку, держатъ ее въ каждой семьѣ и оберегаютъ ее. Племя Моқиі, имѣющее своимъ тотемомъ орла, держитъ иногда въ своихъ деревняхъ въ клѣткахъ орла и кормитъ его. Айны держатъ въ клѣткахъ не только медвѣдей, но и орловъ, совъ, вороновъ и оказываютъ имъ суевѣрное уваженіе ¹⁾. На Самоа въ мѣстностяхъ, гдѣ богомъ-покровителемъ считался голубь, этотъ послѣдній содержался и кормился. Божество считалось воплощеннымъ во всѣхъ птицъ данной породы, но поклоненіе приносилось одному представителю ²⁾. Обычай айновъ ловить медвѣженка, держать его въ клѣткѣ, оказывать ему знаки почитанія при жизни слѣдуетъ, очевидно, объяснить переходомъ тотемическаго культа отъ всего вида животныхъ къ отдѣльнымъ его представителямъ. Что культъ медвѣдя у айновъ возникъ изъ тотемизма, доказывается, между прочимъ, и преданіемъ ихъ, будто первый родоначальникъ айновъ былъ выкормленъ медвѣдемъ ³⁾. Вполнѣ понятно, что для тотемическаго обрядоваго пиршества убивался именно пойманный представитель медвѣдей, которому и приносились извиненія передъ убійствомъ и въ честь котораго устраивалось затѣмъ празднество. Этотъ обычай сохранился и тогда, когда тотемизмъ былъ забытъ, охота на медвѣдей разрѣшена, когда, наконецъ, айны начали пользоваться мясомъ медвѣди, какъ лакомымъ блюдомъ, и употреблять шкуру его для одежды: медвѣдь утратилъ свое священное значеніе, но культъ воспитываемаго въ селеніи медвѣдя, равно и ритуальное убіеніе его и употребленіе въ пищу сохранились, какъ интересный отголосокъ прежнихъ тотемическихъ вѣрованій. Обычай гилаковъ покупать медвѣдя долженъ быть признанъ лишь видоизмѣненіемъ понятія медвѣженка, его кормленія и почитанія, видоизмѣненіемъ, естественнымъ при общемъ упадкѣ какъ тотемическихъ вѣрованій вообще, такъ и самого культа медвѣди.

Что касается остяковъ и вогуловъ, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы развитіе ихъ религіозныхъ представленій

1) Frazer: Totemism, стр. 14.

2) Turner: Samoa a hundred years ago and long before, стр. 64.26.

3) Frazer: Totemism, стр. 7.

привело ихъ къ почитанію особи медвѣдя, какъ мы это видимъ у айновъ, гиліковъ и гольдовъ. Повидимому, упадокъ тотемизма привелъ къ разрѣшенію охоты на медвѣдя подлѣ условіемъ соблюденія обрядовъ, возникшихъ въ эпоху господства тотемизма. Клятву медвѣдемъ у остяковъ и вогуловъ, равно и у тѣхъ народностей, среди которыхъ культъ медвѣдя возникъ, повидимому, изъ тотемической основы, слѣдуетъ считать такимъ образомъ клятвой тотемомъ, духомъ-покровителемъ, поскольку это касается самого основанія происхожденія подобной присяги. Въ этомъ отношеніи ни остатки ни вогулы не представляютъ исключенія. Обыкновенно, при господствѣ тотемизма, наиболѣе дѣйствительнымъ видомъ ордалій, наиболѣе священными клятвами признаются такіа, въ которыхъ фигурируетъ тотемъ. Ордаліи съ тотемическимъ характеромъ и клятва тотемомъ вытекаютъ изъ основнаго представленія, что свой тотемъ, какъ бы онъ ни былъ опасенъ для другихъ, не дѣлаетъ вообще никакого вреда членамъ тотемическаго союза; если тотемъ причиняетъ вредъ, то только въ случаяхъ, когда онъ оскорбленъ даннымъ лицомъ. Поэтому опасное для всѣхъ вообще тотемическое животное дѣлается таковымъ для членовъ группы, признающихъ его духомъ-покровителемъ, лишь тогда, когда членъ группы оказывается виновнымъ въ какомъ-нибудь преступленіи, или если онъ, выдавая себя за члена даннаго тотемическаго союза, въ дѣйствительности не оказывается таковымъ.

Вслѣдствіе этого, напримѣръ, въ Сенегамбіи члены тотемическаго племени скорпіона утверждаютъ, что, хотя укушеніе скорпіона вообще влечетъ смерть, скорпіоны никогда не причиняютъ вреда лицамъ, признающимъ ихъ тотемомъ; отсюда вытекаетъ обычай опредѣлять этимъ путемъ принадлежность лица къ указанному племени. Тотемическій родъ змѣй, пейллы, въ Африкѣ опредѣляли законность новорожденныхъ дѣтей тѣмъ, что ихъ выставляли змѣямъ: если змѣи не кусали новорожденнаго, или если укусъ не влекъ за собой смерти, ребенокъ признавался законнымъ. Другіе народы изгоняютъ изъ своего рода всякаго, кого укусила тотемъ, хотя-бы укушенный остался живъ: такой человѣкъ очевидно навлекъ на себя гнѣвъ тотема какимъ-нибудь дурнымъ поступкомъ, и присутствіе его въ родовомъ тотемическомъ союзѣ можетъ вредно отразиться на остальныхъ членахъ. Такъ родъ крокодила у бегуановъ изгоняетъ не только лицо, укушенное крокодиломъ, но даже и такого, на котораго брызнула вода отъ хвоста

крокодила. Ордалія, посредствомъ которой моксосоы Перу опредѣляли шамана, заключалась въ томъ, что лицо, обязывающее себя шаманомъ, должно было доказать свое родство съ тотемомъ—ягуаромъ; оно должно было подвергнуться укушенію ягуара, и если оставалось живымъ, то признавалось за родственника ягуара. Отсюда понятно, что ордаліи тотемомъ призѣвались и на судѣ. Такъ въ Траванкорѣ, гдѣ слѣды тотемизма жизненны, судъ божій состоялъ въ томъ, что обвиняемый клалъ руку въ плащъ, въ которомъ была завернута змѣя: если послѣдняя кусала его, онъ считался виновнымъ ¹⁾. Въ Меланезіи, въ мѣстностяхъ, гдѣ много алигаторовъ, въ важныхъ случаяхъ обвиняемый долженъ доказать свою невинность тѣмъ, что переплываетъ черезъ проливъ, въ которомъ находятся алигаторы: невинность его доказана, если алигаторы его не тронуть ²⁾. Тоже и относительно клятвъ: такъ, напримѣръ, у бегуановъ племени крокодила клятва приносилась крокодиломъ; у санталовъ, въ Бенгаліи, у которыхъ тигръ считается однимъ изъ тотемовъ, наиболѣе торжественной присягой считалась принесенная на шкуру тигра ³⁾.

Сопоставляя вышеприведенныя свѣдѣнія съ „медвѣжьей присягой“ остяковъ и вогуловъ, можно признать, что въ виду тотемической основы, лежащей въ первоначальномъ культѣ медвѣдя, сама „медвѣжья присяга“ была первоначально не болѣе, какъ клятвой тотемомъ. Этотъ послѣдній не вредитъ своимъ, и остякъ и вогуль до настоящаго времени вѣрятъ еще, что только грѣшныи или оскорбившіи медвѣдя человекъ можетъ быть убитъ послѣднимъ. Духъ покровитель, охраняя члена своего рода отъ напрасныхъ обвиненій, можетъ стергѣть и не покарать присягающаго, даже если тотъ оскорбитъ тотема: отсюда обычай увѣчить голову медвѣдя при присягѣ; поступокъ, который вообще долженъ вызвать возмездіе со стороны медвѣдя, останется не наказаннымъ, потому что тотемъ этимъ наглядно засвидѣтельствуетъ невинность присягающаго. Естественнымъ слѣдствіемъ распространенія культа медвѣдя у всей народности, поднятія его изъ разряда родового духа-покровителя въ племенное божество, оказывается и распространеніе „медвѣжьей присяги“ среди всѣхъ остяковъ и вогуловъ. Изъ клятвы тотемомъ она сдѣлалась клятвой священнымъ звѣремъ, культъ котораго сохранился, не смотря на всѣ измѣненія, которымъ

¹⁾ Frazer: Totemism, стр. 20—21.

²⁾ Codrington: The Melanesians, стр. 213.

³⁾ Frazer: Totemism, стр. 22.

подверглись религиозныя представленія обѣихъ народностей, какъ благодаря естественному развитію, такъ и вслѣдствіе воздѣйствія, хотя-бы и лишь формально усвоеннаго, христіанства.

Признавая тотемическую основу культа медвѣдя и „медвѣжьей присяги“ у остяковъ и вогуловъ, мы думаемъ, что изъ этихъ основъ слѣдуетъ выводить и аналогическій культъ у другихъ народностей, которыхъ мы привлекли для сравненія съ „праздникомъ медвѣдя“ у сѣверо-западныхъ сибирскихъ инородцевъ. Самый фактъ, что медвѣдь въ такомъ значительномъ количествѣ мѣстностей, у народностей, неродственныхъ другъ другу и разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ земнаго шара, признавался сначала тотемомъ, а затѣмъ божественнымъ звѣремъ, не представляетъ изъ себя ничего страннаго. Дикарь любитъ избирать духовъ-покровителей изъ числа сильныхъ, могущественныхъ, хотя-бы и опасныхъ для людей животныхъ. Змѣю въ качествѣ тотема мы встрѣчаемъ одновременно въ Австраліи, во многихъ мѣстахъ Африки и въ Америкѣ. Крокодилъ считается тотемомъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Африки; культъ крокодила въ древнемъ Египтѣ возникъ повидимому также изъ тотемической основы; мы встрѣчаемъ его одинаково и въ Индонезіи и Меланезіи. Буйволъ въ качествѣ тотема одинаково извѣстенъ въ Африкѣ и Америкѣ. Левъ, ягуаръ, леопардъ также чрезвычайно распространенныя тотемы, одинаково почитаемые, гдѣ они являются одними изъ наиболѣе крупныхъ представителей мѣстной фауны, въ качествѣ духовъ-покровителей. Часто встрѣчаемое возрѣніе у сѣверо-американскихъ краснокожихъ, что тотемомъ извѣстнаго рода оказывается медвѣдь (напримѣръ у ирокезовъ, моки, пунка, омага, іова, огое, кавза, вуннебогна, манданы, крики, оджибвеи, и т. д.) ¹⁾, дѣлаетъ вполне понятнымъ, почему совершенно самостоятельно могли избрать своимъ тотемомъ одновременно и разные рода финскихъ и тюркскихъ народностей, равно и арктическія племена. Медвѣдь, какъ наиболѣе крупный представитель мѣстной фауны, долженъ былъ быть и излюбленнымъ тотемомъ, а его сила, равно и опасность, представляемая борьбой съ нимъ, помогла ему, не утрачивая зооморфныхъ чертъ, подняться въ разрядъ національныхъ сверхъестественныхъ существъ, а культу его способствовала продержаться до нашихъ дней.

¹⁾ Morgan; Urgesellschaft, стр. 130 и слѣд.